

Алексей Милюков

ТУМАНЫ НАУКИ, ЗАКОНЫ ИСКУССТВА

www.goldentime.ru

Часть I.

Гражданку зарезали всю

1.

Около года назад, во времена, по сегодняшним меркам еще беззаботные, в сети проходили дебаты двоих достаточно известных людей, в равной степени имеющих, мягко скажем, определенные претензии к науке. Один из них высказал удивление, что наука в обществе сегодня имеет едва ли не религиозный статус, а второй возражал, что сегодня, напротив, интерес к науке значительно ослаб, а вот в веке девятнадцатом... В итоге стало понятно, что первый собеседник, говоря о сегодняшнем дне, игнорирует историю вопроса в целом, а второй, увлекшись историзмом, понятия не имеет о дне сегодняшнем и сегодняшнем отношении к науке в социуме. То есть каждый как минимум говорил о какой-то «своей» науке, что характерно для большинства представителей рациональной аналитики – неспособность видеть саму суть предмета. Одни («наблюдатели», «свидетели») воспринимают и констатируют исключительно сиюминутное положение дел, другие («летописцы») излагают лишь историю предмета, так же не видя его сути.

По причине абсолютного превосходства этой «сути» перед всеми остальными сущностями, я даже в быту не люблю ни голых констатаций, ни предварительных экскурсов в историю вопроса. Нужна тебе, скажем, справка о времени приготовления блюда из картошки, а вместо этого получаешь в сети долгую сагу о поклонении картофелю у индейцев Южной

Америки, завоеве клубней в таком-то веке в Европу, о ее ареале, популярности и пользе. Чертова кухня, ну так сколько же минут варить картошку?

Между тем без минимального экскурса в историю науки не обойтись, поскольку в нашем случае некоторые сущностные вопросы неотделимы от исторических. Переход от эпохи Просвещения к эпохе великих научных открытий имел взрывной и практически синхронный характер во всех экономически развитых странах мира. Для описания этого времени можно пользоваться различными терминами и историческими градациями (эпоха научных открытий, век промышленной революции, век электричества и др.), но в онтологическом, сущностном плане это было окончательное завершение времени Традиции и утверждение Модерна, со всеми его ценностными установками (см. *Таран Р.*, «Три парадигмы»). В давние времена античный мир столь же взрывным образом стал христианским. Альтернатив той революции, по крайней мере, для человека религиозного, не существует. Но мог ли устоять мир Традиции перед натиском Модерна?

Опять же, для человека религиозного – мир Традиции в своем прежнем виде и в тех новых условиях – устоять не мог однозначно. Например, один тот факт, что многие изобретения новой эпохи были сделаны одновременно (а некоторые едва ли не в один день), свидетельствует, что так называемый прогресс, ключевое понятие модерна, есть вещь в нашем мире объективная, и нам остается только понять причины его активизации в определенные моменты истории.

Есть такое необычное предположение, что мно-

гие технические открытия и изобретения человечества уже существуют в виде некой готовой идеи, которую изобретатель должен только нащупать и формализовать. И если этого по какой-либо причине не сделает Александр Попов, то обязательно сделает Маркони. Или наоборот. Мысль эта может показаться дикой и даже эзотерической, но по здравому разумению в ней нет ничего необычного. Существует ли арифметика в природе? Числа, знаки, операции деления и умножения? Существуют ли в природе математические формулы? Существует ли формальная логика и силлогизмы? Разумеется, нет. И в явном, и в неявном виде – нет. Но у этого мира изначально есть свои законы, константы и аксиомы, свои гармоничные соотношения, нерушимые причинно-следственные связи. Некоторые теологические умники утверждают, что математика и логика изобретены Создателем и поэтому в принципе могут доказать Его существование. Галилей также говорил, что книга природы написана Богом на языке математики, и здесь нам, уж простите, придется Галилея еще раз немного порепрессировать (нетолерантная инквизиционная шутка). На каком языке написана книга природы, неизвестно, но поскольку мир гармоничен, тонко настроен и константен, то человек способен искать, находить и формализовать этот неведомый язык собственным языком уравнений и формул. Если два яблока при сложении с двумя другими дают четыре, то этот неизменный факт человек и запишет **изобретенным им самим языком арифметики**. Если глиняный горшок при падении разбился и не думает вновь восставать из осколков, то и это наблюдение, без знания истин-

ного языка книги природы, человек зафиксировывает в виде причинно-следственной логической связи, то есть **в виде изобретенной им самим логики**. Итак, еще раз – любые точные науки есть изобретенный человеком специальный собственный язык, которым он фиксирует существующие и присущие нашему миру свойства и закономерности. Он точен лишь потому, что точно само мироздание.

Но что там у нас с синхронными (или относительно синхронными) техническими изобретениями в разных странах, скажем, паровой машины, самолета, радио, телефона или реактивного двигателя? А то, что в самом разнообразном физическом виде все это уже давно реализовано в природе, лежит на поверхности и во все века доступно наблюдению – пар в закрытом горшке с кипящей водой создает давление; птицы, хоть и тяжелее воздуха, но летают; сигнал как осмысленную информацию можно передавать на разные расстояния звуковым, световым или «проводным» образом с помощью соответственно барабанов, отраженных солнечных бликов, веревок и голубей, а принцип реактивного движения в готовом виде можно подсмотреть у каракатиц, кальмаров или осьминогов. Однако секрет в том, что любая новация следует за технологией, а не наоборот. То есть за возможностью реализовать новацию «в материале». В древней Месопотамии, судя по всему, уже пользовались гальваническими элементами, куда заливался лимонный сок в качестве электролита. Китайцы также еще на заре истории изобрели порох, ракеты и воздушного змея. Леонардо да Винчи изобрел парашют, танк и вертолет. Даже условные пещерные люди не могли не заметить, что пере-

движение тяжестей облегчают такие приспособления, как рычаг и цилиндрические стволы деревьев. По сути, в любые времена люди могли наблюдать действие подъемной силы птичьего крыла и, соответственно, реализовать его в искусственном крыле, то есть могли придумать и самолет, и подводную лодку, и повозку на ракетной или реактивной тяге. Однако новации новациями, но ни у пещерных людей, ни у жителей Месопотамии, ни у китайцев, ни у Леонардо да Винчи не было возможностей реализовать все эти задумки или найти им соответствующее времени применение. Их мозг был готов к тому, чтобы придумать некий фантастический аппарат для передвижения в пространстве, но реально передвигаться с увеличенной скоростью они имели возможность только на лошадях. Не было технологий, инструментов и аутентичных материалов.

Отсюда сделаем вывод, что наступление новой эры Модерна было неизбежным. Как только человечество доросло до определенного уровня технологических возможностей, произошел взрыв новых открытий, взлет по экспоненте, а точнее – ученые и изобретатели в массовом порядке смогли реализовать все те задумки, что уже носились в воздухе. Если XVIII век дал массу полезных изобретений в области механических устройств (паровая машина, прядильный и токарный станки), инженерных и строительных технологий (кессон, цемент, точные измерительные инструменты, громоотвод), транспортных новаций (подводная лодка-бочка, воздушный шар, каналы для перевозки грузов), то XIX век – это время **качественно иных**, принципиально новых технических решений. Приведем лишь самые

известные имена и самые значимые открытия и изобретения XIX века.

Лаваль, Парсонс (паровая турбина); Стефенсон (первая железная дорога, паровоз); Ампер, Максвелл, Герц (электричество); Фарадей, Стёрджен, Дэвенпорт (электродвигатель); Браун, Ленуар, Отто (газовый двигатель внутреннего сгорания); Генри, Шиллинг (электротелеграф); Яблочков (дуговая лампа); Эдисон (электрическая лампочка, фонограф); Планте (аккумулятор); Крукс (электронно-лучевая трубка); Ньепс, Дагер, Тальбот (фотография); Истмен (рулонная фотоплёнка); Тимченко, братья Люмьер (киноаппарат); Фуко (гироскоп); Бессемер (технология производства стали из чугуна); Хайят (целлулоид); Дрэйк (нефтяные скважины); Винчестер, Спенсер, Максим (многозарядное оружие); Пастер (иммунология и микробиология, пастеризация); Кох (микробиология); Бернар (эндокринология); Лонг (анестезия); Мендель (генетика); Мартен (мартеновская печь); Пирсон (метрополитен); Менделеев (периодическая система элементов); Лобачевский (геометрия); Можайский, Тампль (самолет-моноплан с двигателем); Цепеллин (жёсткий дирижабль); Белл (телефон); Даймлер, Бенц (бензиновый двигатель, первый автомобиль); Седлен, Маркус (автомобиль); Сименс (электрифицированные железная дорога, троллейбус, трамвай); Тесла (двигатель переменного тока, трансформатор, радиоуправление, беспроводное освещение); Майбах (мотоцикл); Блати, Циперновский, Дизель (дизельный двигатель); Попов, Маркони, Лумис, Хьюз (радио, беспроводная связь); Рентген (рентгеновское излучение); Беккерель (радиоактивность); Томсон

(электрон); Цёлльнер, Кирхгоф (фотометрия и спектральный анализ); Кибальчич (разработка ракетного летательного аппарата).

Сюда необходимо добавить еще изобретение «аналитической машины» Бэббиджа, по сути, прообраз современного цифрового компьютера, а также изобретение Жаккарот первого станка с числовым программным управлением, а именно ткацкого станка, где управление нитью для прошива ткани в определенных местах осуществлялось с помощью перфокарты с отверстиями.

подавляющее большинство этих изобретений было быстро воплощено в работающие машины и системы, производилось серийно и постоянно совершенствовалось. Взрывную техническую революцию XIX века можно сравнить, наверное, с кембрийским взрывом в палеонтологии, когда все основные типы животных появляются в «летописи окаменелостей» одновременно. Даже с сегодняшней точки зрения может показаться, что в XIX веке было изобретено абсолютно всё, или почти абсолютно всё, и весь дальнейший технический прогресс до сегодняшнего дня представляет собой по сути лишь горизонтальные улучшения и «количественную», а не качественную модернизацию идей и изобретений XIX века. Компьютеры, реактивные и ракетные двигатели, космические полеты, современная медицина, и даже эпоха атомной физики, подготовленная фундаментальными открытиями рентгеновских лучей (1895), радиоактивности (1896) и электрона (1897) – всему этому было положено начало еще тогда, во взрывном XIX веке.

Впрочем, XIX век по своим социальным последст-

виям, по переменам в общественном сознании не менее значим, чем своими технологическими прорывами. Я уже высказывался в том плане, что Дарвин, Ницше и Маркс не были теми разрушителями прежнего традиционного уклада, породившего в дальнейшем нацизм, коммунизм, мировые войны, геноцид, атеизм и прочее отвержение моральных ценностей. Они были лишь продуктами той эпохи, которая их вынесла на гребне волны в качестве своих новых аватаров. Это сама эпоха с ее идеями прогресса, соревнования, конкуренции (а по сути идеями агрессивного противостояния и превосходства, навеянного новыми техническими возможностями), породила и новый тип теоретиков, и обесценила в социуме идеи христианства, и заложила моральные основания для будущих революций и мировых войн. Сама идея развития как стремления к какой-то волшебной цели, подтолкнула к соблазнам мирового господства. Когда художнику приходит новая идея, он рисует картину. Когда конструктор получает новые технологии, он изобретает принципиально новый агрегат, возможный к воплощению. Но когда политики всего мира получают в руки плоды научного и технологического прорыва, их самих «прорывает» – моментально просыпаются амбиции превосходства, территориальные и колониальные претензии. И как все прежнее проходит, так прежние времена Традиции неизменно и без всякой возможности возврата сменились новыми временами железных машин, агрессивного и тоталитарного сознания Модерна.

Дьявол кроется в деталях. Нельзя было в XIX веке изобрести велосипед (настоящий, не метафоричес-

кий) и думать, что это не потянет за собой идею эмансипации женщин. Чтобы ездить на велосипеде, женщинам пришлось надеть брюки, а эта ниточка потянула за собой уже и требование других прав и равенств с мужчинами. Здесь все было завязано в единый узел, и одно не существовало без другого. Казалось бы, мелочь – всего лишь изобрели какой-то велосипед, а в итоге женщины стали осваивать мужские профессии, водить машины, летать на аэропланах, заниматься наукой, сниматься в кино и писать книги. И далее со всеми остановками.

И, разумеется, у всего этого нового великолепия была обратная сторона – не только политически внешняя, но и внутренняя, поскольку технические достижения, задвинув в дальний угол этику христианской Традиции, стократно усилили и внутри самого общества все «гнилостные» процессы – ибо скоростной транспорт, электричество, телеграф, газеты позволили мгновенно и массово распространять новые идеи Модерна, инфицировать мозг обывателя идеями Дарвина, Маркса, Фрейда и Ницше, пропагандировать и манипулировать сознанием так называемых масс. Эй, массы, христианство призывало вас отдать последнюю рубашку ближнему, а мы говорим, что человек человеку волк, что в этом мире выживает сильнейший, падающего толкни, только в борьбе обретишь ты право свое.

Если судить даже по классической нашей литературе, отражающей сознание Традиции, то предательство гоголевским Андрием своих боевых товарищей безусловно требовало наказания смертью, и даже от рук отца. Онегин запоздало признается Татьяне в любви, но та, сама влюбленная в Онегина,

отвечает, что уже другому отдана и будет век ему верна. Дубровский останавливает карету Маши и объявляет: «Вы свободны!» Но, говоря простым языком, толку-то, что она свободна физически? — она уже успела обвенчаться с нелюбимым женихом. А во времена Модерна от измены уже ничто не удерживает Анну Каренину и Лару Антипову. И уже в каких-нибудь современных топовых фильмах типа «Аватара» или «Английского пациента» предательство боевых товарищей трактуется как право человека на личный выбор. А уж в нынешних постмодернистских, которым несть числа, нам и вовсе предлагается встать на сторону зла, вплоть до inferнального, понять его и ему посочувствовать. Если Базаров был лишним человеком в традиционном обществе, то очень скоро лишними в обществе оказались идеалы самой Традиции.

Эволюция, прогресс, развитие стали абсолютными ценностями нового индустриального мира. Не Дарвин с Ницше породили будущий расизм, евгенику и геноцид, а породила их сама идея абсолютности прогресса и развития, автоматически подразумевающая неравенство — есть люди финансово успешные, а есть неудачники, нищелюбы; есть народы и страны цивилизованные, а есть отсталые, эволюционно недоразвитые; есть белые люди, а есть генетический мусор.

Научных и технических открытий было сделано так много, прогресс был настолько очевиден, что на какое-то время даже показалось, что наука себя исчерпала. Физик Альберт Майкельсон заявил в 1894 году, что все открытия в науке уже сделаны, а «будущие истины физики следует искать в шестом знаке

после запятой». Молодого Планка друзья вообще отговаривали заниматься физикой, а лорд Кельвин в речи 1900 года выдал свою знаменитую метафору о чистом небе над головой физики, где горизонт омрачают лишь два маленьких облачка. Как известно, этот прогноз погоды не сбылся, и уже в начале XX века последовали такие ураганы среди ясного неба, как теория относительности и квантовая механика.

Россия XIX – начала XX века, как и весь цивилизованный мир, жила полноценной жизнью новых времен. В почете были не только науки, но и искусство, и религиозная мысль, не было счета литературным кружкам и многочисленным философским школам и течениям. Но и здесь идея «прогресса» как возможность достичь невиданной ранее великой цели и сорвать свой джек-пот («кто был ничем, тот станет всем»), помноженная на упомянутые научные и технические достижения века, быстро сделала свою разрушительную работу. Поэтому революция в России, а также Первая и Вторая мировые войны показали всему миру, что искусство от войны не спасает (не путать искусство с культурой в целом), а наука – это не только благо, но и методы массового уничтожения, доведенные до совершенства летящие и ползущие железные машины убийства, газовые камеры, эксперименты над людьми и венец прогресса – атомная бомба. Если в прежних войнах солдаты, попрыскавшись одеколоном, бегали друг за другом с саблями по лужайке (не помню, чье сравнение), то во время Первой мировой внезапно открывшаяся возможность *машинного уничтожения людей в промышленных масштабах* – как бы перемалывание тысяч жизней в гигантском лязгаю-

щем металлом барабане – шокировала даже воюющие стороны.

В итоге научно-техническая революция, от которой человечество могло бы ожидать только новых благ, обесценив христианство и Традицию, лишь породила глобальный мировоззренческий кризис. В этом смысле первый опыт массовой любви к науке (точнее, к ее плодам) и надежд человечества на ее всеислие окончился неизбежным тупиком и мировым раздором.

Итак, если вернуться к утверждению одного из участников дискуссии в начале этой статьи о бывшей, но утратившей популярность науке, то, разумеется, нет спора, что общество XIX века, как и начала XX-го, было в ошеломлении и восторге от новых научных открытий и ожидающих весь мир радужных перспектив. Утверждать иное было бы странным. Но прав и второй участник дискуссии, считающий, что сегодняшнее отношение общества к науке сравнимо с религиозным поклонением, чего никогда ранее в истории не наблюдалось.

2.

Сужая поле зрения до размеров нашего отечества, вспомним, что ситуация научного бума, аналогичная взрывной волне XIX – начала XX века, повторилась у нас (хотя и в менее масштабной версии) в прошлом веке, в начале 60-х. Этот эффект был особенно силен на фоне предшествующей послевоенной разрухи и бедности советских граждан, которых по большому счету никакая наука не интересовала – ни теоретическая, ни практическая, поскольку науки как таковой в жизни и сознании советско-

го гражданина просто не существовало.

Советская наука, сама по себе весьма передовая, тем не менее всегда была неразрывно связана с политикой и имела парадигмой не стремление сделать каждого своего гражданина счастливым, дав ему какие-то земные блага, а именно обслуживала военную доктрину. В стране, где военными были даже железнодорожники, до самого начала так называемой перестройки (то есть попытки преодоления экономическо-управленческого коллапса СССР) существовала монолитная военная империя, имевшая своей парадигмой не счастье маленького человека, а выживание этой империи во враждебном окружении в условиях холодной войны.

Понятно, что военное противостояние советской науки нацизму и конкурентная интеллектуальная схватка с ним дали мощный толчок развитию советской конструкторской мысли, помноженный на послевоенное «холодное» научно-техническое противостояние с западным миром. Шестидесятые годы прошлого века шли, как это было принято говорить, под знаменем бурного научно-технического прогресса (НТП, или НТР, где «Р» – «революции»). Однако в нашей истории стали происходить какие-то небывалые для остального мира вещи.

К началу 60-х подросло поколение, не видевшее войны, не сидевшее в лагерях и психологически не травмированное, так называемые «шестидесятники». Именно в этой молодой среде зародились новые надежды, связанные с послесталинской «оттепелью» и бурным развитием советской науки и техники. Тот, кто помнит эти времена хоть краешком ранней детской памяти, поймет, о чем я. Как будто

внезапно кончилась депрессивная эпоха жилых барачков и подвалов, гопников (тогда они именовались урками) с фиксами и финками, голубятен, военной формы на каждом втором прохожем, всяческих баянов-патефонов и доминошников в каждом дворе. «А у нас во дворе всё пластинка поёт». Это были не только годы триумфальных советских полетов в космос, реактивной авиации, атомной энергетики и прочих примет и прямых следствий бурного послевоенного развития советской (и мировой) науки, но и время, когда вдруг впервые стало явно ощущаться проникновение этой науки в быт каждого советского гражданина. Неповторимый стиль 60-х и начала 70-х составили совершенно новые приметы быта – новая архитектура (дома и «дворцы» из панелей, бетона, стекла и алюминия), транспорт, связь, технически оснащенная районная медицина, доступная в быту техника – относительно массовое появление личных автомашин, бытовых электро- и электронных приборов, новые бытовые технологии и материалы (в частности, синтетические – от кухонной посуды и мебели до одежды) и др. Из Москвы в Киев теперь можно было за пару часов долететь на самолете, а из Ленинграда, скажем, в Петергоф добраться по Финскому заливу на ракете с подводными крыльями. По всему Союзу шло массовое строительство индивидуального (в смысле уже не коммунального) жилья, так называемых «хрущевок», а чуть позже и панельных многоэтажек. Никогда не было, и вот – в квартирах граждан стали появляться холодильники, телевизоры, стиральные машины, радиолы, электроутюги, а позже телефонные аппараты, катушечные и портативные магнитофоны, музыкальные

проигрыватели. Все это было в прямом смысле передовым, ламповым и виниловым; и атмосфера, и дизайн тех лет незабываемы – канули в небытие прежние рюши и гобелены, пирамиды из подушек, карманы-газетницы на стене и комоды, а на смену им внезапно пришли легкие полированные стеллажи, складная мебель, треугольные столики на тонких ножках и космического дизайна торшеры с конусообразными плафонами.

Проникновение научных идей и прогнозов в сознание советских людей было настолько впечатляющим, что в среде гуманитариев возникла даже некая антинаучная оппозиция, призывающая всех любителей научного прогресса не пренебрегать извечными гуманитарными ценностями. В среде «шестидесятников» возникло течение, известное как споры «физиков» и «лириков» – знаменитые дискуссии между представителями научных дисциплин и творчества (самыми яркими из последних были Вознесенский, Ахмадулина, Евтушенко, Окуджава, Высоцкий и др.), – это были баталии, оставившие отпечаток на всем культурном пласте того времени. Был популярен, например, фильм «Его звали Роберт», где в пику «физикам» даже робот сталкивался с проблемой «лирических», то есть, человеческих, чувств. Поскольку сам по себе период «оттепели» был временем непривычной до этого свободы и новых надежд, то неверным было бы сказать, что общество увлеклось одной наукой. Между «лириками» и «физиками» шли не только горячие споры, но наблюдалась и явная конвергенция – совершенно нормальным явлением было выступление поэтов и бардов не только на переполненных стадионах, ак-

товых залах вузов или у памятника Маяковскому в Москве, но и перед инженерами и техническим персоналом во всевозможных тогда НИИ и научных центрах, которые принимали их на ура. «Физики» в свою очередь не только ходили на концерты поэтов, но сами часто становились поэтами, бардами и художниками (Сергей Никитин, Борис Стругацкий, А. Городницкий и др.).

В целом же (отметим это обязательно!) молодежные настроения того периода, с погружением в научные идеи и новаторское искусство, с желанием перемен и обновления – были специфической формой неудовлетворенности существующим режимом, завуалированным протестом против его косности и (несмотря на «оттепель») против органического неприятия самим этим режимом дальнейших перемен, не говоря уже о прямом подавлении им протестов в ряде стран социалистического блока, а также собственных фантомных тоталитарных эксцессах, вроде расстрела рабочих в Новочеркасске, гонений на поэтов и художников-абстракционистов, «бульдозерной выставки» и др.

Но время, говоря русским научным языком, ранжировало все приоритеты. Сама стилистика науки – с ее рационализмом, отсутствием этических критериев, порой даже фанатизмом в стремлении свести всё богатство мира к сухой статистике и формулам – всегда раздражала и будет раздражать нормального, «человечного» обывателя, любящего жизнь за ее душевность, многовариантность и даже нелогичность. Однако прежде обыватель, абсолютно не вдаваясь в научные определения и дефиниции, условно «любил науку» потому, что полагал, будто научный

прогресс касается непосредственно его лично, что наука работает для всех и для каждого. И что открытие новых источников энергии или, скажем, новых методов продления жизни, обещанных с экранов и трибун, коснется каждого. А этот каждый будет волен действовать по собственному выбору, например, слетать в отпуск на Марс, использовать продовольствие и энергию, а также услуги и развлечения в любых потребных ему количествах – как человек, освобожденный наукой от всех прежних оков и ограничений. Не забудем, что ко всем прочим профитам партией было обещано и наступление к 1980 году коммунизма, со всеми отсюда вытекающими, и реализацию фантастического принципа «каждому – по потребностям» должен был обеспечить именно научно-технический прогресс.

Между тем по прошествии времени наступил момент, когда обыватель, наконец, понял, что его, по сути, обманули, и что ни ученым, ни политикам до него нет никакого дела. «Они» (уже инфантильное «они») **много обещали, но не выполнили** и малого – не накормили голодных, не излечили больных, не остановили преступления и войны, не сделали никого счастливым. Так называемый обычный человек как был, так и остался **трудиться в поте лица** в своем прежнем мире – мире не научных революций, а лишь «горизонтальных дополнений и оптимизаций» тех достижений, что уже имелись. Обыватель увидел, что плоды науки ему просто не принадлежат, что наука не служит человеку, и что он в свой электронно-атомный век, образно выражаясь, как ходил в деревянный сортир на улице, так и продолжает ходить. Где вы, обещанные методы управле-

ния погодой, самодвижущиеся тротуары, летающие автомобили, искусственный интеллект, третий глаз на затылке и сменные внутренние органы?

Здесь обязательно зафиксируем, что обыватель, ждавший молочных рек с кисельными берегами от науки, был обманут все же не наукой, не учеными, а **именно политиками**. Разумеется, ими, родимыми. То, что ему обещали третий глаз на затылке и то, что его периодически заставляли подписываться на облигации государственного займа, даже не намереваясь возвращать деньги – это были явления одного порядка. Мы говорим лишь о причине массового охлаждения обывателей к науке после череды космических триумфов 60-х, после реально наблюдаемых бытовых изменений, но недолгого пребывания на пороге фантастического будущего. Огромную роль в разочаровании наукой сыграло и то, что все обещания политиков базировались как бы на научной основе – поэтому, видя эфемерность сказок про скорое светлое будущее, легко было прийти к мысли и о легковесности той сферы, которой все эти сказки обосновывались (коммунизм был «неизбежен» не потому, что его обещал Хрущёв, а потому что его наступление как новой исторической формации было «научно» обосновано). Как и в XIX веке, изначальным локомотивом революционных перемен была наука, но в тупик этот локомотив завела политика, то есть идеология сильных мира сего. В период наступившего «застоя» и экономического коллапса накануне распада СССР общество уже не вспоминало о какой-то там науке, а проклинали политиков.

В случае с XIX веком новые технические возможности и новое понимание жизни как конкурентной

борьбы породили у многих политиков паранойю превосходства и привели мир к революциям и войнам. Второй случай научно-технического рывка в СССР после Второй мировой войны можно рассматривать не только как попытку политиков двинуть страну вперед в многолетней идеологической гонке, но и как уникальную в нашей истории попытку политиков с помощью достижений науки решить жизненные проблемы граждан.

Можно сказать, что этот локомотив тоже зашел в тупик, или остановился, или рассыпался на ходу. Где-то в заморских краях ходят и сейчас такие же локомотивы. Но наши метафорические рельсы выросли быльём. Были еще и БАМы, и космические «Бураны», и проекты поворота вспять сибирских рек. Но что случилось, то случилось – кредит доверия к науке к 90-м годам прошлого века в нашем отечестве был полностью исчерпан, однако на подходе были уже новые времена.

3.

Во времена общественных кризисов и депрессий из всех щелей выползают хтонические темные силы – гадалки, экстрасенсы, сниматели порчи, очистители кармы, заряджатели трехлитровых банок с водой и прочие хироманты. Значительную часть обывателей в этот момент начинают интересоваться печатные и телевизионные материалы, посвященные НЛО, контактам с инопланетянами, поискам Атлантиды, путешествиям во времени и пр. Спрос на все эти путеводители по иным мирам в такие моменты истории является у граждан, наверное, определенной формой защитной реакции, психологиче-

ской анестезией. Утешительно мечтать, как кто-то попал в прошлое и исправил наше настоящее. В эти же времена в качестве альтернатив существующей кризисной власти возникает масса идейных и политических движений – псевдопатриоты, атеисты, неоязычники, сатанисты, русские фашисты, геи, феминистки и масса других всевозможных комитетов защиты лысых попугаев и обществ любителей чесать левой ногой за правым ухом. В двери граждан стучат проповедники других религий, и почтовые ящики всегда полны сектантскими и политическими печатными материалами. Разумеется, что в такие дни люто и нечеловечески обостряется полемика – верной приметой кризиса являются массовые дискуссии, споры до хрипоты и драки за правильное понимание причин кризиса и единственную истинность твоих идей. Как заметил в свое время Жванецкий, в такие времена на концерты ведущих экономистов не попасть.

Я, разумеется, говорю о 90-х. Они нужны нам здесь лишь для того, чтобы подчеркнуть разнообразие той картины, говоря, опять же, научным языком, ее переменчивость. Потому что после 2000-х все страсти постепенно улеглись, время было объявлено «эпохой стабильности» и даже благосостояние граждан выросло – правда, на этот раз не за счет научных прорывов. В конституции РФ 1993 года было записано отсутствие идеологии, но понятно, что само по себе это не означает полного отсутствия идей и перспектив развития, то есть тех принципов и ориентиров, глядя на которые, страна будет развиваться и процветать. Однако провозглашенная идея стабильности и идея развития были взаимоисключаю-

щими. Теоретики быстро смекнули, что более всего на роль идеи, стыкующейся с идеей стабильности, подходит приверженность традиционным ценностям – православной вере, патриотизму, военному воспитанию и пр. Записанный в той же конституции принцип светского государства не позволял сделать церковь одной из властных ветвей, однако де-факто она стала неотделимым спутником политической власти – если президент считался гарантом соблюдения конституции, то патриарх и публичные высказывания иерархов РПЦ стали гарантом морального одобрения и поддержки всех действий власти со стороны церкви.

Впрочем, историкам и психологам будущего еще предстоит объяснить другой феномен – почему после бурных, свободных и кровавых 90-х страна (по сути, большинство тех же участников) как бы в один момент плюнула на политику. Общество мгновенно атомизировалось до размеров собственной семьи, перестало быть обществом в прямом смысле, исчезли даже бывшие гражданские противостояния типа «коммунисты и демократы». Люди впали в глубокую политическую спячку, рассуждая так: «жизнь стала лучше, денег больше, свободы так много, что беспокоиться о ней нечего – если и случаются отдельные цензурные и запретительные эксцессы, то не беда, как-нибудь на досуге это подправим».

Руководство страны, хорошо помня, признаком чего служит появление Чумаков и Кашпировских, нежно закатали в асфальт самую возможность их нового появления (вместе с возможностью появления новых политических смутьянов), полагая, что если зарезать петуха, то он не прокукарекает и солнце не

взойдет. Однако, солнце, вопреки всем законам физики, всходить и не думало. Стабильность, так стабильность. Отдых в Турции, так отдых в Турции. Поэтому году этак к 2010-му все идейные страсти улеглись окончательно. Даже прежние словесные бои между атеистами и креационистами казались уже историей[1], старые спорщики ушли на покой – не говоря уже о каких-нибудь русских фашистах или националистах, которые в итоге ушли на покой в гораздо более широком смысле.

В России ожидаемо в очередной раз подросло новое поколение, никогда не знавшее давления советской цензуры и преследований за образ мысли. Оно воспринимало этот мир в таком виде, в каком получило его при первом осмысленном рассмотрении – как нечто само собой разумеющееся, устоявшееся и всегда таковым бывшее. Составной частью воспринимаемого ими мира были неплохое образование, свобода передвижения, возможность самореализации, любые потребительские штуки на выбор. Конечно, новое поколение не знало советской цензуры, но и понятия не имело о возможности легко и без последствий вступить в какую-нибудь ныне запрещенную на территории РФ организацию, или в другую, также ныне запрещенную, или, помягче, в орден сатанистов, а также подраться с огнепоклонниками или самому быть побитым люберами. Так сказать, что вы можете знать о здоровой пище, если не дрались с тульскими поварами? Впрочем, этих юношей и девушек уже в принципе не интересовали никакие предыдущие драмы и повороты нашей истории (да они и представления о них не имели).

И вот это поколение, идейно стерильное, наце-

ленное на собственный рост и мечтающее реализоваться в жизни наилучшим образом, постепенно оказалось в положении тех самых, упомянутых выше, советских граждан, которые вдруг осознали, что никакого третьего глаза на затылке не будет. Что они до бесконечности могут потреблять чипсы из рекламы, тусить с друзьями и отдыхать в Турции, но их личное мнение никого не интересует. Они увидели, что мир вокруг них совсем не такой, каким представлялся ранее, что он непредсказуем и конфликтен. Куда молодым людям теперь было податься, к кому в этом конфликтном обществе примкнуть?

Религия? В любой цивилизованной стране твоя религия является **маркером твоей культурной и национальной идентичности**. Быть одновременно образованным и религиозным естественно по самой природе человека, неверье вообще есть слепота, а чаще – свинство (Бродский), и государство обычно ни в коем случае не требует ее почитания в качестве священного воплощения своих побед и традиций, и уж тем более не наказывает за ее критику. Но это обычно. Наблюдая невооруженным глазом симбиоз церкви и государства, молодые люди сделали единственный вывод – что церковь и государство – это синонимы.

При этом имеет значение, что вся отечественная система образования (как советская, так и сегодняшняя) всегда была выстроена на парадигме научного мировоззрения, то есть строго рационального и материалистического подхода к изучению и постижению окружающего. Можно услышать множество заявлений, что с падением атеистического СССР в России произошло возрождение религиоз-

ности народа. Нет, то, что называется возрождением, этим не являлось и не является. Парадигма атеистического мировосприятия никуда не исчезала. На школьных и студенческих занятиях до сих пор никому не позволено отстаивать религиозные взгляды в отрицание материалистических, а признание в рабочем коллективе своей религиозности, скорее всего, будет означать отрицание тобой «правильной», научно установленной картины мира, вплоть до того, что такой работник может даже потерять доверие начальства, мол, мало ли чего можно ожидать от этих необразованных. Равно и учителям не позволено преподавать «лженаучную», «религиозную» концепцию Разумного происхождения жизни, ученым не позволено критиковать теорию эволюции, и половина моих знакомых ученых, разделяющих идею Разумного замысла, публикуется в сети под псевдонимами, как какие-нибудь подпольщики-нелегалы. Еще раз – **идейной, концептуальной, воспринимаемой в норме позицией в нашем обществе был и остается атеизм.** Не нейтральное отношение к религии в целом, а именно негативное. Признание любого человека в принятии религиозной картины мира ведет к представлению об этом человеке как о мракобесе, в лучшем случае человеке плохо образованном.

А теперь представьте себе среднего российского студента, неглупого, рационально мыслящего, электронно-гаджетно продвинутого, ценящего свободу и цивилизованное развитие европейского типа. Он не воинствующий атеист, но определенно скептически в отношении религии; всё, связанное с церковью, вызывает у него давно выработанный рефлекс непри-

ятия, желание обойти стороной. И вот если этому человеку для союза с государством (которого он не желает) предложить в качестве морального авторитета этого государства еще и церковь, то ответный вопрос: «А другие варианты есть?» – не покажется из его уст слишком неожиданным. Немногие люди приходят к самостоятельному пониманию значения Церкви. Но со стороны описанного молодого человека после таких столкновений двух миров (пропагандируемых государством так называемых традиционных ценностей против гедонистического и постмодернового восприятия мира) вам гарантировано уже осознанное отторжение и противостояние всему, что связано с религией, «всем этим мракобесам» (в его лексике), с самым широким охватом подразумеваемых персоналий.

Ранее все эти ребята и девушки были совершенно безучастны к политике и религии, не помышляли о какой-либо своей зависимости от «начальства»; случалось даже, что принимали приглашение поддерживать руководство и помахать флагами перед телекамерами на каком-нибудь патриотическом мероприятии, хотя... делали это так, без энтузиазма. «Клянусь, никакого удовольствия я с ней не испытывал, думал только о тебе». А теперь они вдруг поняли, что все это время жили не теми ожиданиями.

Прекрасны и замечательны те общества, где в широком смысле присутствуют разнообразие и выбор (не только чипсов). Но мы не случайно упомянули неформальное движение «шестидесятников». Потому что в России после 2011–2012 годов все отчетливей стала ощущаться некая негласная молодежная фронда, по своим мотивам противостояния с режи-

мом абсолютно аналогичная явлению «шестидесятников». Но если у тех был всплеск светлых ожиданий, выразившийся в стихах, песнях, философских диспутах и рассказах о скорых межзвездных перелетах, то теперь каждый из нынешних потребителей чипсов имел если не депрессивные, то умеренно-тревожные ожидания, а в идейном плане находился посреди огромной пустыни, без указателей и ориентиров. Декоративные молодежные политические организации, предлагаемые государством? Нет, ешьте сами. Музыка, живопись, литература? Нет, всё выродилось в хлам, даром не нужно. Религия? Наше образование говорит «нет». Нужна была идея, предающая смысл и хоть какое-то оправдание твоей жизни. В мире декораций и запутанных смыслов **есть только один надежный и достоверный источник – научное знание.** Не сама наука, не профессиональное занятие наукой, а именно наука как внятный смысл, придаваемый твоей жизни, как маяк, как оазис посреди этой пустыни.

Это увлечение наукой в молодежной среде стало приобретать все более массовый характер, особенно после того, как страна, по мнению представителей нового поколения, взяла курс на так называемую государственную архаику. Неприятие этого курса в молодежной среде и породило такое явление, как «сайенстеры» («научпоперы», «любители науки»), ставшее относительно массовым в первую очередь именно на волне негатива к религии – как платформы этой самой «государственной архаики». Теперь именно научпоп, увлеченность наукой, стали восприниматься единственным маркером принадлежности к чему-то безусловно прогрессивному, живо-

му, устремленному в будущее вместе со всем миром, в отличие от всего архаичного, что, по мнению этой среды, олицетворял союз церкви и государства. В отличие от явной оппозиции, это была новая волна так называемой внутренней эмиграции. Разумеется, что многочисленные конъюнктурщики, именующие себя «научными просветителями», учуяв носами запах «еды», быстро оседлали эту волну, предложив сайенстерам свои лекционно-развлекательные продукты, создававшие требуемую иллюзию припаденья и питья из чистого родника науки.

Подавляющее большинство «шестидесятников» в свое время не имело никаких особых талантов, но тянулось на поэтические вечера, концерты бардов, выставки картин в Измайлово и научные лекции о скорых полетах к дальним звездам – именно для того, чтобы лично быть причастными к волне чего-то настоящего, свежего, перспективного. Так и сайенстеры в подавляющем большинстве были и являются лишь фанатичными «любителями науки»; им, повторюсь, важна не наука как область профессиональных занятий, а чувство причастности к ней как единственно надежной опоре в этом падающем и рассыпающемся, как домино, мире. Но если неявный протест «шестидесятников» в свое время имел в большей степени гуманитарную форму, то этим ребятам никакой другой формы вакуумного существования, кроме рациональной, просто не осталось.

Более того, они не могли допустить и мысли, что наука может не являться единственным и универсальным источником знаний о мире, поскольку для понимания этого «нюанса» нужно было иметь представление о нашем мире во всем его объеме, вкупе

со всеми прочими способами познания – философским, религиозным, творческим, где наука является лишь частью, лишь одним из способов познания. Они же, сознательно отвергнув религию, философию и искусство, лишили себя объемного представления о мире. В государстве, где вариативность не приветствуется, они выбрали не вариативность, а «свой» вариант. Поэтому о мировоззрении этих людей в целом можно говорить как о **сциентизме** – уверенности в том, что только наука есть высшая ценность и мера всего. Они **принципиально** не признают ничего иного, не просто отказываясь это иное осмысливать, а считают все эти философии-молософии пустым и даже вредным балластом для единственно имеющей смысл священной «научной картины мира».

Таким образом, для читателя, умеющего видеть параллели, мы кратко представили три исторических сюжета, когда в обществе или мире происходила вспышка интереса к научным идеям и достижениям. В XIX веке ученые и политики могли осчастливить мир с помощью науки, но амбиции политиков привели к мировой катастрофе. В XX веке в СССР, благодаря очередному научному витку, политики уже начали было осчастливливать граждан индивидуальным жильем, техникой и прочими плодами прогресса, но идейных сил и ресурсов не хватило. И уже в наши дни, после 2000-х, произошел, хотя и близко не сравнимый с предыдущими, очередной подъем интереса к науке, который никак не был связан с явлениями научного развития и который политики не использовали, а сами как бы и спровоцировали. То есть на вопрос о реальной роли поли-

тиков в последнем историческом сюжете аккуратно скажу, что роль политиков... Впрочем, скажу прямее: «А никакая». В отличие от предыдущих сюжетов, тут нет ни их связи с наукой, ни намерения сделать граждан счастливыми с помощью науки. Сегоднешняя российская наука – это... хм, ну, вы поняли. Профессор Северинов сказал, что российская наука не умерла, просто переместилась на Запад – вся (звучит как «гражданку зарезали всю»). Массовое появление в России сайенстеров и фанатов, не признающих ничего иного, кроме науки – **это и есть компенсация за отсутствие в стране науки.**

Подытоживая сказанное, на всякий случай еще раз поясню, что первый участник дискуссии, упомянутый в начале статьи, имел в виду ситуацию, когда в отсутствие широкого (и даже узкого) спектра общественных идей главенство получает только одна из них, то есть идея наукопочитания, становясь из обычного мировоззрения **фанатичной и агрессивной догмой.**

Именно это имел в виду первый участник дискуссии.

Причем, говорят, что справедливо это не только для России, но в немалой степени и для всего современного мира. Похоже на правду, поскольку сциентизм – это явление не столько политическое или социальное, сколько **психологическое.**

Часть 2.

Мало нам сказанного, будем нагнетать

Обычно под наукой в самом упрощенном смысле мы понимаем область знаний, наиболее достоверных из возможных, поскольку они получены с помощью специфических рациональных методов, исключающих какое-либо субъективное (например, личностное, эмоциональное) или случайное, нехарактерное влияние на изучаемый объект. Научное знание, это как бы формальное, фактическое знание о предмете; знание, принуждающее нас к его принятию в силу его безусловной очевидности. Воспроизводя самые общепринятые критерии на сей счет, любое научное знание должно быть:

- **методологичным** – о чем только что сказано, то есть полученным специальными методами науки, взаимосвязанным комплексом определенных принципов, правил и норм. Это то, что К. Еськов называет «правилами игры в науку», взявшись «играть» по которым, мы для получения научного результата обязаны следовать только им (Еськов, 2000);

- **доказанным** (англ. «proof»; когда доказательство имеет уровень математического) или как минимум обоснованным надежными свидетельствами («evidence»; например, исторические события подтверждаются документами и воспоминаниями очевидцев);

- **проверяемым** (интерсубъективным) – научное знание должно подтверждаться в нашей практической деятельности как всеобщее, то есть его до-

стоверность не должна зависеть от субъекта или случайности; например, если речь идет о результате эксперимента, то этот результат должен воспроизводиться любым независимым исследователем, в любой другой лаборатории и всякий раз с тем же результатом;

- **определенным** – не допускать никаких двусмысленностей или иных интерпретаций, знание не может быть объяснено каким-либо иным способом, например, в рамках конкурирующей концепции или каким-нибудь иным неучтенным фактором);

- **системным** – организованным в виде согласованной концептуальной структуры с другими знаниями, при этом понятно, что не могут быть известными абсолютно все связи, пронизывающие систему, но важен сам принцип встроенности знания в систему и непротиворечивость ее известным элементам;

- **рефлексивным** – то есть научное знание не должно быть сферическим конем в вакууме, а содержать в себе возможность для исследователя оценивать и контролировать результаты собственной работы – процесс получения, накопления, развития этого знания, происходящие в нем изменения и пр.;

- **открытым критике** – научное знание не может быть догматичным и неприкосновенным, то есть закрытым для возможности какого-либо его дальнейшего изменения, улучшения и даже опровержения в свете новых знаний.

Здесь отдельно подчеркну, что моя цель в этой части статьи – не критика науки, научных методов и самих ученых, но лишь желание показать ограни-

ченность научного познания. Здесь я говорю лишь о том, что познавательные возможности науки распространяются на весьма узкую область окружающего мира, а именно на ее материальную часть, доступную изучению – только на те физические сущности, которые, условно говоря, можно измерить линейкой и пощупать руками.

Между тем наука не всегда справляется даже в «зоне своей ответственности», на отведенном ей материальном участке. Абсолютность ее методов и достоверность ее знаний, в которые уверовали сциентисты, весьма условны, подвержены человеческому субъективизму и открыты для любых неучтенных и искажающих факторов, часто обесценивающих результат.

Научное мировоззрение как единственное и цельное восприятие мира (что утверждает сциентистами) – такая же глупость, как, например, художественное, или статистическое мировоззрение. В быту мы руководствуемся простым жизненным опытом, а не каким-либо мировоззрением. *«Человек живёт не научно-концептуальной, а конкретной личной жизнью»*, – говорит Д. Судзуки (Фромм, Судзуки и др., 1997). Мы переходим улицу не научно, а на зеленый свет. Наше настоящее «внутреннее» мировоззрение всегда объемней любого определения и любой концепции. Есть, правда, исключения. Помнится, в пабlike у Маркова какой-то человек из его клаки доказывал, что наука во всем первична, и что даже когда он, этот человек, обнимает любимую девушку, то чувствует не «эти ваши» любви, а контролирует свои ощущения через сердцебиение и пульс, учащенные на определенное число ударов.

Впрочем, что с дурака взять. Да еще и марковского.

Ариэль Рос замечает (здесь и далее в цитатах выделено мной, – *примеч. А.М.*):

«Выражение «научное мировоззрение», пожалуй, заключает в себе внутреннее противоречие, поскольку наука дает лишь **частичное представление о реальности**. Наука – это не всеохватывающее мировоззрение. Любое целостное мировосприятие должно включать те области опыта, которые находятся вне рамок натуралистических интерпретаций. Нам не следует низводить истину до уровня нашего упрощенного понимания. Мы не должны ограничиваться наукой в поиске ответов на многочисленные вопросы» (Рос, 2002).

Посмотрим бегло на вышеперечисленные критерии научного знания с точки зрения их аутентичности.

Любое научное знание должно быть методологичным

Наука использует определенный методологический инструментарий и обретает знания путем следования следующей цепочке: наличие или обнаружение неизвестного явления – сбор и систематизация информации о нем – выдвижение объяснительной гипотезы – проверка и подтверждение этой гипотезы опытным путем (либо опровержение и выдвижение новой). Инструментарий, с помощью которого тестируется научная состоятельность любого знания, в числе прочих включает два ключевых научных метода – *предсказательность* (про-

гностические возможности гипотезы или теории) и *фальсифицируемость*. В первом случае – это способность гипотезы давать экспериментально или принципиально проверяемые предсказания, которые, если они не подтвердятся, покажут, что гипотеза неверна. Второй принцип более важен. Для защиты научного статуса любой гипотезы мы должны выдвинуть условия, которые в случае их выполнения способны ее опровергнуть. Если таковых не имеется, то гипотеза считается ненаучной и выбрасывается на помойку.

Согласно Декарту, главный способ познания мира – сомнение. Кто-то из моих собеседников однажды возразил, что постоянное сомнение способно остановить любой процесс, однако собственным сомнением лишь подтвердил мысль Декарта. Только сомнение, то есть постоянные попытки проверить некую сущность на истинность, и позволяет любому познанию двигаться вперед. Если играть в слова, то можно назвать постоянное сомнение, скажем, оценкой опасности совершить ошибку. На бытовом уровне мы это делаем постоянно и почти неосознанно – например, когда движемся вверх по каменистому склону, то почти на автомате ежесекундно оцениваем, на тот ли камень ставим ногу. И мы, ступающие по склону, и археолог, оценивающий результат находки через отрицание неверных вариантов (принадлежит ли найденный горшок тому культурному слою, где обнаружен, настолько ли древен, соотносится ли с определенной культурой и пр.) – это, в сущности, одно и то же движение к правильному ответу через отрицание неправильных.

Между тем современная наука, имеющая пара-

дигмой натурализм (естественность всех процессов), уже в самой своей основе имеет нарушение базового принципа методологии – именно аксиоматичность самого принципа натурализма. Ученые прошлого, разделявшие идею Божественного творения мира, исходили из того, что само познание окружающего возможно лишь по причине его разумной сотворенности. В этой парадигме мир гармоничен и взаимонастроен, законы его незыблемы – и сама наука, по сути, возможна лишь в условиях этой созданной Творцом стабильности – ученый, оторвавшись от телескопа и повернувшись к Луне спиной, должен быть уверен, что Луна в эту минуту не превращается в головку сыра. Ученые же нового времени, в широком смысле именуемые позитивистами, не отрицая установку предшественников о гармоничности мира и стабильности его законов (как замечательного удобства для своей работы), волюнтаристски объявили, что изучать этот мир следует исключительно как природный объект, без всякой метафизики. Даже на уровне терминов законы мироздания из «божественных законов» стали «законами природы». Но на каких **научных основаниях** выдвинута сама парадигма натурализма? Безотносительно к научности или аутентичности парадигмы Разумного творения заметим, что если речь идет о современном научном методе, то главная парадигма современной позитивистской науки – ненаучна, поскольку нефальсифицируема. Лаплас, сказавший Наполеону, что не нуждается в гипотезе Бога, ни одним научным аргументом не смог бы «ответить за базар», и Карл Поппер, присутствуя он при той мизансцене, за такое голословие сломал бы о спину Лапласа свою

тлость. Научные теории в естествознании не являются формально-логическими построениями, как, например, в математике, и введение *аксиомы натурализма* для изучения природы есть не просто грубая методологическая ошибка, а методологическая катастрофа. Даже если в геноме человека найдется какая-нибудь деталь с личной подписью Бога, это не будет расценено, как опровержение натурализма, поскольку в аксиоме натурализма Бога нет.

Методологические принципы науки нарушаются и множеством ключевых сегодняшних построений. Так, не обладающими предсказательной силой и не фальсифицируемыми являются множество теорий из области космологии, биологии, геологии.

Только ленивый не говорил о субъективности использования «бритвы Оккама» (принцип парсимонии, или экономии объяснений), но критерий фальсифицируемости также вполне себе субъективен и зависит от «научной политики» сообщества. Например, Холдейн, считавший теорию эволюции научной, сказал, что ее могло бы успешно опровергнуть нахождение кролика в докембрии. Тем не менее, все зависит от ценности той или иной теории в представлении научного сообщества. Если сообщество легко изменит взгляд на какую-нибудь теорию заселения тихоокеанских островов в древности, то теорию эволюции не сдаст даже при нахождении в докембрии стада слонов. Если в опровержение теории эволюции вы предъявите человеческий скелет возрастом 3,6 млн. лет (KSD-VP-1/1) или следы анатомически современного человека того же возраста (Лаэтоли), то вам скажут, что вы просто чего-то не учли. Что именно? Теорию эволюции.

Критериям научности отвечает множество построений, прямо противоречащих друг другу, и выбор той или иной теории зависит в первую очередь от мировоззренческой позиции исследователя. Впрочем, рассуждая о критериях, в тему их субъективного использования особо углубляться не будем, ибо мы рассуждаем об ограничениях науки как таковой. Тем не менее, некоторые современные философы науки считают, что четких критериев демаркации научного знания от ненаучного вообще не существует (Laudan, 1983), другие называют имеющиеся критерии неэффективными и предлагают свои. В любом случае, даже без учета «эксцессов исполнителя», само по себе соответствие какого-либо знания научным критериям не гарантирует его истинности. Еще раз – знание может быть получено строгим научным методом, но не быть истинным. Методологичность – условие необходимое, но не достаточное.

Любое научное знание должно быть доказанным

Здесь мы включаем старую заезженную пластинку о существенной разнице в степени доказанности меж знаниями из области точных наук и наук естественных. Первая песня, проигрываемая на нашем виниле с шипением и треском – это констатация того, что построения многих дисциплин, связанные с происхождением изучаемого предмета (так называемые «науки о происхождении»), по сути, вообще нельзя считать достоверными, даже по совокупности косвенных признаков, поскольку все реконструкции событий, имевших место в глубокой древности, без свидетелей, однократно и при несуществующих ныне усло-

виях, нельзя формализовать, и они всегда будут зависеть от субъективного взгляда исследователя.

«Свойственный для науки ограниченный взгляд на реальность, – говорит Рос, – становится очевидным, когда мы рассматриваем вопросы, связанные с первопричинами. Наука хорошо справляется с описанием физического мира, его особенностей и взаимосвязей, но она не сильна в причинах, лежащих в основе природных явлений» (А. Рос, там же).

Роман Таран замечает (Р. Таран, «Эволюция – не «факт»), что словосочетания «научный факт» и «доказанный факт» являются противоречием, поскольку сам по себе факт есть уже нечто безусловное и объективно существующее, не требующее доказательств, то есть цепочки логических умозаключений. Очевидность факта делает избыточными и его доказанность, и научность, и научную доказанность. Само использование оксюморона «доказанный факт» или «научный факт», говорит Таран, есть подмена, призванная укрепить в нашем восприятии понятие «научного факта» столь же истинного, как и факта в обычном понимании. В силу целого ряда ограничений при изучении первопричин (человек не может заглянуть в прошлое, наука рассматривает сугубо материальную сторону мира, достоверность реконструкций нельзя подтвердить окончательно и пр.) – ученые вынуждены называть свои построения «научным фактом» и «доказанным фактом», хотя их «фактичность» не безусловна, а складывается из допущений (реконструкций), цепочки умозаключений (доказательств правильности этих реконструк-

ций) и консенсуса внутри сообщества.

Таким образом, критерий этого подраздела – «любое научное знание должно быть доказанным» – есть условие невыполнимое, если дело касается изучения происхождения объектов. «Научный факт», «научное знание» и все, что «научно доказано» – это лишь конструкт в рамках определенной идейной концепции. Он внутренне согласован с другими ее частями, непротиворечив и даже обладает возможностями предсказаний в тех же рамках. «Если увеличение объема нашего мозга вызвано его эволюцией (развитием когнитивных способностей), то более поздние черепа будут иметь больший размер, чем ранние». Такое предсказание сбывается, однако «доказанность факта эволюции» остается все в тех же рамках ее собственной концепции, ибо в реальности увеличение мозгового объема древних людей связано не с развитием когнитивных способностей (структура мозга *Ното* с древности принципиально не меняется), а с последовательным улучшением условий существования в «дикой» среде – экологическими, социальными и «кулинарными» факторами, каковой процесс прекрасно работает во все времена и в обе стороны, то есть как в сторону увеличения размера мозга, так и его миниатюризации. Однако постепенное увеличение мозга у древних людей является фактом как таковым («фактом здорового человека»), а увеличение мозга в результате эволюции когнитивных способностей – «научным фактом» и «доказанным фактом» в рамках теории эволюции (на самом деле «фактом курильщика»). Поэтому и невозможно спорить с такими «научно доказанными фактами», ибо в сообществах с

приверженностью определенной концепции (той же теории эволюции) эти «научно доказанные факты» по внутреннему корпоративному убеждению считаются бесспорными фактами в обычном понимании. В результате ряда научных телодвижений ученые просто договариваются, что именно они будут считать научным фактом [2]. И люди, не принимающие таковые «факты» или пытающиеся их оспорить, оказываются в положении невежд, отрицающих очевидное.

В целом, учитывая, что наука сегодня обладает лишь мизерной долей знаний о мире и не знает всех состояний, в которых мир находился прежде или может находиться в принципе, а также учитывая все ограничения и пределы самой науки, ни одно из выдвигаемых научных утверждений не может быть доказано со всей безусловностью и определенностью. С безусловностью любое научное утверждение может быть только опровергнуто как неверное, но доказано (в смысле истинности, а не «научного факта») – нет. Таким образом, научная доказанность знания – понятие относительное или просто корпоративное, договорное.

Любое научное знание должно быть проверяемым

Считается, что практика – критерий истины. Разумеется, часть научных знаний всегда является теоретической. Однако к этой части, как правило, относятся теории, являющиеся основополагающими для современного научного взгляда на мир, которые просто не дают возможности проводить с ними эксперименты. Например, гипотеза Большого взрыва,

флуктуаций Больцмана, тепловой смерти вселенной Клаузиуса, теория эволюции Дарвина в обеих версиях и проч., не говоря уже о популярных сегодня теориях струн и теории мультивселенной. Их истинность, научность, проверяемость всегда умозрительна, а гипотетические варианты экспериментальной проверки некоторых из них приводят к парадоксу. Так, например, гипотетическое воссоздание жизни в лабораторных условиях не подтвердило бы теорию самозарождения жизни (абиогенез), а лишь верифицировало бы идею ее разумного создания.

Нобелевский лауреат Ричард Фейнман сказал, что наука ничего не доказывает, а лишь строит вероятностные модели разной степени достоверности. В последние десятилетия с развитием цифровых технологий в философских дискуссиях стал использоваться аргумент возможного нашего существования в цифровой симуляции. Очевидно, что одно это допущение уже делает научный подход бессмысленным, ибо сие научно не доказуемо и не опровергаемо. Действительно, представим себе, что жившая когда-то на древней Земле цивилизация достигла однажды нашего уровня развития, а затем перешла от цифровой фиксации всей информации о жителях планеты (о любых их действиях, разговорах, событиях, о каждой секунде их индивидуальной жизни) – к созданию цифровых копий каждого человека и копий окружающего пространства, к алгоритмическому воссозданию возможных высказываний индивидов, действий, то есть их дальнейшего смоделированного цифрового существования в виртуальном мире, при этом со строгим соблюдением причинно следственных связей и фундаментальных «законов

природы». После чего мир живых людей в этом далеком прошлом мог исчезнуть, но до сего дня продолжала бы существование его цифровая матрица, работающая по исчисленным алгоритмам. То есть мы с вами. Материализм утверждает, что мысль и сознание человека порождены той же материей (электромагнитными колебаниями частиц в мозгу, каковые колебания доступны для измерения их приборами и потенциально доступны для оцифровки), но если так, то ни один ученый, осознающий свое присутствие в окружающем мире, не способен ответить, реален ли его мир, или это цифровая матрица. Религия и искусство легко разрушают такой сценарий возможностью выхода за пределы физического или алгоритмического мира, наличие или отсутствие симуляции в их рамках можно «тестировать», однако с точки зрения науки само допущение сценария цифрового мира уничтожает научный метод как класс. Хуже этого сценария может быть только «методология» теистического эволюциониста, каковыми являются сегодня множество ученых, пытающихся совмещать научный метод и религиозную веру. Сама возможность того, что в этом константном изучаемом наукой мире Бог может вмешиваться в любой эксперимент по Своему усмотрению, делает все «научные представления» теозволюциониста карикатурными.

Любое научное знание должно быть *определенным*

И здесь мы в очередной раз попадаем в ловушку той двусмысленности, когда одни и те же факты имеют порой противоположные по смыслу трактов-

ки в зависимости от разных идейных платформ. Логически стройными и внутренне непротиворечивыми являются и дарвинизм, и теория Разумного замысла, и марксизм, и фрейдизм, и астрология. «А толку?» Дарвинист, предъявив факты изменения признаков у живого существа, считает это проявлением случайных мутаций, в каком случае удачные изменения поддержаны отбором. Стронник же Разумного творения, указав на те же изменения, заявит, что возможность адаптаций существ к окружающей среде, даже структурно достаточно сложная, заранее запрограммирована в его геноме. То есть определенность знания может быть «своей», корпоративной, у сторонников противоположных парадигм, при этом обоюдно подтверждаться научными методами.

Требуемой определенности в науке часто не существует даже на уровне терминов. Так, например, термин «эволюция» (как и «информация», «доказательство» и др.) не только манипулятивен (мелкие адаптации организмов используются для подтверждения гипотетических крупных «творческих» преобразований), но и содержит в себе внутренне противоречие. В смысловом плане латинский термин «*evolutio*» означает разворачивание свитка – в значении постепенной реализации определенного потенциала или цели, каковые атрибуты эволюции сами эволюционисты отрицают (*Р.Таран*, «Эволюция – не эволюция»).

Кроме того, «определенность знания» как понятие само является достаточно неопределенным. Поскольку в современной науке отсутствует единая точка отсчета, любой изучаемый объект будет все-

гда чем-то другим (не равен себе) в других системах отсчета и восприятия.

Например, ученые прошлого воспринимали мир в качестве Божьего творения, «заточенного» под человека, и изучали его в качестве антропологически ориентированной системы, соответствующей познавательным возможностям человека и восприятию самим человеком. Архаика? Но когда христианская натурфилософия закончилась, началась вся эта неразбериха с мутной оптикой, все эти дробышевские «шимпазе прогрессивнее человека, ибо эволюционно более адаптированы», все эти бутовские-панчинские «человек умнее обезьяны лишь количественно, но не качественно», весь этот марковский бред с хитрыми сперматозоидами, оценивающими свои выгоды при осеменении, все эти сломы прежних систем отсчетов и «эргономичности» мира, удобного для проживания и познания его в человеческих категориях. Человек примитивней штатива, потому что у него на одну ногу меньше! Человек стал восприниматься не как Божье подобие, не как субъект, а как отстраненный объект, моделью для изучения которого стал некий механический манекен, с насосом для перекачки крови, трубами и шаровыми суставами, но лучшей моделью человека стала, конечно, обезьяна. Чтобы понять человека, его «зачаточные», эволюционно предшествующие признаки стали искать у шимпанзе. «Шимпазе вот-вот заговорит!» «Они на пути к изготовлению каменных орудий!» «У шимпанзе нашли зачатки религии!»

Но «эксперименты», проводимые в рамках эволюционной парадигмы, намертво привязанной к аксиоматичному натурализму, сами напрямую за-

висят от ее установок – например, для изучения происхождения человеческого языка исследователи в эксперименте учат языку жестов обезьяну, то есть пытаются подтвердить некий результат через то, что само не подтверждено, каковые действия образуют классический порочный круг. Само отсутствие человека в научной картине вносит в нее неопределенность и порождает двойные смыслы.

Стакан наполовину полон или наполовину пуст? – это характерный вопрос Модерна, в котором отсутствует человек как точка отсчета. В Традиции, где мир воспринимается антропологически, ответ прост и однозначен – это зависит от того, налиivate вы или пьёте. Наливаем – наполняем, пьем – опустошаем. Поскольку объектом, как и в современной науке, является безличный стакан, определенный ответ отсутствует.

С научной точки зрения этики не существует, но с точки зрения этики научное познание есть «к предательству таинственная страсть». Сначала ученый, отринув Бога, сам захотел занять его место, но теперь жаждет сдать свои позиции условному искусственному интеллекту. Был хозяином земли, но теперь мечтает о контакте с инопланетянами, видимо, чтобы похвастаться перед ними своими стеклянными бусами. Был венцом творения, а легко сдал свое право первенства обезьяне. Эти умники «проебут наш мир» – и, если позволить себе выразиться вульгарно, то, прошу прощения за просторечие – не за понюшку табаку.

Но, не отвлекаясь, еще раз заметим, что требование определенности научного знания всегда сталкивается с неопределенностью систем и точек отсчета,

в которых это знание должно быть определенным. Мы не можем воспринимать окружающий мир с точки зрения существа, находящегося на поверхности шарообразной Земли, которая движется вокруг Солнца в одном направлении, а в составе Солнечной системы движется в другом. Мы стоим на плоской земле и видим солнце, плывущее над головой от горизонта к горизонту. Квантовая механика разрушает определенность (детерминизм) прежней классической физики; элементарные частицы обладают «свободой воли» (Conway, 2006; 2009). Здесь, так сказать, требование определенности натывается на квантовую неопределенность. В рамках теории эволюции между человеком, разводящим кур, и лисой, крадущей этих кур у него из курятника, нет разницы – они равны в использовании своих собственных эволюционных стратегий. Кто из них, даже в качестве объекта, является точкой отсчета? С одной стороны, существует антропологический предел познания (человек существо ограниченное), с другой – отсутствие в науке антропологической системы координат лишает нас самой возможности считать мир познаваемым человеческими органами чувств, ибо если материализм верен, то и само познание невозможно [3]. От шизофренической научной неопределенности нас спасает лишь то, что живем мы не в «научной картине мира», а в реальном, бытовом, личностном мире.

Любое научное знание должно быть системным

Изучая лишь материальную, физическую сторону мира, наука не в состоянии охватить всю его объем-

ность и в своем познании всегда доходит до ограничивающих ее пределов. Требование системности научного знания понятно и очевидно, однако если наука не может видеть мир как целое, то и уровень ее системных связей ограничен и субъективен.

Представьте себе, что вы волонтер, который в числе прочих сотен волонтеров сидит на трибуне стадиона и репетирует огромное визуальное приветствие для олимпиады. В ваших руках, как и у каждого человека из вашего сектора (условно сектора А), кусок картона, скажем, красного цвета с одной стороны и синего с другой, а также разноцветные флажки, мячи и прочая бутафория, и режиссер регулярно подает всей многотысячной трибуне команды: «Сектор А – показали синий цвет, сектор Б – помахали зелеными флажками, сектор С – помахали серебряными лентами!»

Вы можете задаться вопросом – что все сие означает, вы можете наблюдать за действиями людей из ближних секторов, посчитать количество и узнать цвета ближайших к вам атрибутов, найти повторяющиеся закономерности их смены и так далее. Но, изучая картину по частям и установив все «системные связи», вы ничего не добьетесь, ибо чтобы увидеть изображение целиком, вам нужно выйти не только за пределы вашего сектора, но и за пределы всей трибуны. Находясь внутри изучаемого мира, ни один ученый и ни одно сообщество ученых не способны увидеть целую картину просто по определению.

В этом смысле та же теория эволюции является крайне несистемной теорией. В целом картина биологической эволюции кажется согласованной по ряду научных дисциплин, однако все критики отмеча-

ют общую «системную особенность» теории – при углублении в детали она начинает сыпаться, а из открывающихся дыр свистит метафизический ветер. То, что именуется теорией эволюции на основе случайных изменений, может оказаться лишь частным случаем более глобальной картины, которую нельзя увидеть, не выйдя за границы материалистической парадигмы. Здесь мы сталкиваемся со всем, сказанным выше – что степень системности, доказанности, определенности и пр. – устанавливается идеологами и адептами ТЭ, по сути, произвольно. Нам покажут скелеты двух существ, якобы эволюционно родственных на том основании, что у них сходна одна какая-нибудь косточка или форма органа. Но то, что гипотетический переход, скажем, от рыб к земноводным должен был идти через целую тучу структурных изменений – при этом согласованных! – никого из адептов теории эволюции не смутит, ибо «факт» эволюционного перехода уже «научно доказан». И дело не в том, что *еще не все проблемы решены* и не все связи установлены, поскольку последние открытия (в первую очередь в генетике и палеоантропологии) не проясняют, а все больше разрушают «знание», презентуемое прежде как дисциплинарно взаимосвязанное.

Любое научное знание должно быть рефлексивным и открытым критике

Посыл понятен, но здесь, скорее, критерии на уровне пожеланий. Чего стоит рефлексия в отношении недоказуемой гипотезы? Можно построить прекрасную математическую модель множественности миров, но она будет игрой ума и вещью в себе. Вся

теория эволюции – это рефлексия на тему изначально неверной и недоказуемой парадигмы натурализма. И о какой открытости критике можно говорить в отношении «доказанных фактов» и теорий, бережно хранимых научным сообществом? Главный научный принцип – что наука движется вперед, ставя под сомнение и отрицая свои предыдущие результаты – таковой принцип для «доказанных фактов» и теорий, имеющих индульгенцию от научного сообщества, противоречив уже на уровне методологии, и на практике не работает.

Часть 3. ОК, научное сообщество, теперь ты

1.

Вы задумывались когда-нибудь, почему во всем мире политики и ученые так насторожены, если не сказать, подозрительны, друг к другу? Не потому ли, что они играют на одном методологическом поле, обладают собственным влиянием на общество, и потому являются конкурентами?

Сознание обычного человека подчинено здравому смыслу, его жизненный опыт и этические представления являются ориентиром в общении с другими людьми, влияют на принятие им решений, но его выбор в целом свободен. Политики же и ученые – это люди схемы, люди правил, соблюдать которые они обязаны даже против своей воли. Почему, когда говорят, что политика – дело грязное, не говорят то же про ученых и науку? Впрочем, в явном или неявном виде это подразумевается и в отношении науки.

Действительно, как и в политике, **наука и гуманизм несовместимы**. Сами методы науки, правила ее игры, для сохранения своей материалистической базы не признают наличия человеческих состояний. Для науки не существует этики и нравственных норм – напротив, изгнанием всей этой «метафизики» наука и защищает свои права и свою территорию. Если что и сдерживает ученых, то это общественное мнение (а также держащие нюх по ветру политики), однако при отсутствии ограничений, ссылаясь на интересы того же общества (победим болезни, продлим жизнь), ученые готовы на любые

изыскания и эксперименты, с этической и даже правовой точки зрения недопустимые. Можно вспомнить, например, эксперименты профессора Иванова по скрещиванию человека и шимпанзе (Россиянов, 2006). Перед первым испытанием атомной бомбы в США ученые знали о рисках неконтролируемой цепной реакции, способной привести к планетарной катастрофе, но пошли на риск не только ради первенства, но и «научного интереса» (Турчин, 2008). Можно привести в пример и современные эксперименты «отвязанных» от мирового контроля китайских ученых по клонированию и редактированию генома эмбрионов человека (здесь дело не в достоверности объявленных ими результатов, а в самом игнорировании вопросов этики). Полагаю, что о многих научных разработках китайских товарищей, идущих вразрез с традиционной европейской этикой, мы пока просто не знаем.

Теперь ответим себе на вопрос – что происходит с сообществами, в которых моральные и этические нормы не учитываются? Что мы получим от сильной и влиятельной социальной группы, в задачах и целях которой нет гуманитарной составляющей? Совершенно верно – мы получим сообщество архаичного, еще дохристианского, корпоративно-авторитарного типа, считающего свои интересы выше всех прочих, решающего свои проблемы самым простым способом, склонного как к сохранению своей власти, так и к расширению зоны своего влияния. Научное сообщество, являясь частью гражданского общества, управляемого влиятельной властью, во всем мире является по сути государством в государстве. Вынужденное противостоять внешнему давлению.

нию и конкурируя с властью за влияние, оно воспринимает себя «осажденной крепостью». Отсюда и авторитарные элементы внутри собственного сообщества. Личные отношения, уровень материальной состоятельности, занятие бизнесом, политические, спортивные и любые иные предпочтения – во всем этом у членов корпорации полнейшая свобода (с поправкой на наши отечественные нюансы), однако в идейном плане научное «государство в государстве» – это чистейшая идеократия со своими нерушимыми принципами и правилами.

На всякий случай специально оговорюсь – сейчас речь идет не о свойствах и качествах науки как таковой (об этом вкратце сказано выше), а о социальном ее отражении, о тех формах существования научного сообщества, которые сложились на практике в силу дисциплинарной специфики и людских качеств. Я хочу сказать, и даже утверждаю, что научные сообщества во всем современном мире живут по тем же принципам и правилам, что и сообщества политические, причем, по принципам не демократическим, а архаическим – не то что бы в чистом виде авторитарным, но близким к политическим режимам с доминированием государства над личностью. Научное сообщество, не опирающееся на нравственные принципы, не может быть иным – в любой такой среде будет веять архаический общинно-племенной ветерок – правота большинства, влияние не умного, а сильного, не убеждение, а диктат, не дискуссия, а расправа с несогласными. Именно так проще всего, без всяких этих ваших моралей, во всех архаичных сообществах решается задача сохранения своего влияния, своей власти над умами.

В демократических государствах эта родовая травма постхристианской науки (внеморальность) отчасти ослаблена декларируемыми в обществе ценностями равенства и свободы. В тоталитарных же – наука и государство в своих преступлениях идут рука об руку (вспомним нацистские или японские эксперименты над людьми). А на каких-нибудь банановых островах Тихого океана науки и вообще не существует, ибо государство приспособилось жить за счет прошлых наработок предшественников, либо закупает продукцию высоких технологий у других островов за свои нескончаемые банановые ресурсы.

Главные составляющие идеократической мировой корпорации, именуемой научным сообществом, в сравнении с политическими режимами таковы:

- **Догматизм** – доминирование одной идеи (системы воззрений), базовой для любого исследования или даже высказывания. В недемократических государствах, например, СССР, это – идеология строительства коммунизма под руководством одной партии; при этом вся идеология подавалась с опорой якобы на научность – «научный коммунизм», «научный атеизм». Обратим еще раз внимание, что уже во второй половине XX века для придания веса политической концепции наука привлекается в качестве наивысшего и незыблемого авторитета. Не баба Ванга сказала, что коммунизм неизбежен, а именно наука! Политики каких-нибудь банановых островов, упомянутых выше, в своей имитации всеобщего туземного процветания могут не иметь явно выраженных идеологических догм, однако в том же имита-

ционном ключе статус почитаемых догм пытаются придать каким-нибудь историческим событиям острого прошлого, делая из них, по сути, новую религию. Равным образом в современной науке существуют железобетонные догмы, не преодолеваемые никакими силами – натурализм, актуализм, дарвиновская теория биологической эволюции в версии 2.0. Теория эволюции в биологии, это абсолютный догматический аналог марксизма-ленинизма в политике. Выражение «теория эволюции – научно доказанный факт» – это доктринальный запрет предпринимать хоть какие-то попытки ее пересмотра.

- **Консерватизм** – сохранение своей идеи (или системы воззрений) и своего идейного влияния на общество. Как политики архаичных режимов, так и ученые не склонны к реформам и предпочитают стабильность и консерватизм. Архаичные политические режимы умирают или трансформируются разными способами, однако для научного сообщества действует условное правило Макса Планка – новые идеи в науке побеждают не когда их носителям удастся их доказать, а когда естественным образом уходят носители старых, а новое поколение воспринимает эти новые идеи уже как нечто естественное. Попытки ученых хоть в какой-то степени преодолеть этот консерватизм изнутри, даже на уровне философии науки (Лакатос, Кун, Фейерабенд), ни к чему не приводят.

- **Недопустимость инакомыслия** – при всех уверениях о «научных дискуссиях» и «поиске новых идей», дискутировать ученые могут лишь о вещах, не вступающих в конфликт с базовой идеей. По самой своей сути наука не допускает демократическо-

го равенства идей и предпочитает иерархию авторитетов. Как и в авторитарном режиме, в науке действует принцип – все, что мешает сохранению власти или противостоит ей, запрещено. Ставить под сомнение базовую концепцию или использовать другую равносильно билету на выход из сообщества. Казалось бы, наука хочет узнать истинную природу вещей, но она... этого не хочет. «Коллективная наука» в лице научных сообществ желает лишь сохранения той системы, в идейных рамках которой существует, и любая попытка вмешаться в эту стабильность воспринимается как враждебное действие.

Есть ли тут связь с политикой? Прямая. Историк Ричард Пайпс говорит, что главной отличительной чертой Ленина было то, что он понимал политику как войну на уничтожение. Этим он отличался от меньшевиков, эсеров, царского правительства, европейских и американских политиков. С его идеологическими противниками, считал Ленин, не могло быть никаких дискуссий и никаких компромиссов. Эти люди как минимум на уровне риторики должны были быть раздавлены, уничтожены, стерты. И случилось так, что позже этот язык насилия стал реальностью. Риторика, которую применяли большевики, спрограммировала миллионы смертей. (Ю. Сапрыкин, интервью на «ЭМ» 30.10.2017). Спросим себя – откуда такие методы у Ильича? А все просто. При отсутствии этики защитить и сохранить свою условную территорию проще всего именно так – не аргументами, а уничтожением самого источника несогласия.

Нетерпимость к инакомыслию в науке имеет ту же социальную природу, перешедшую в психологи-

ческую – это не только опасение за дело твоей жизни, но и еще и некая глубоко сидящая неудовлетворенность идеей, осознание ее недостаточной прочности и даже сомнение в ее легитимности. Эта легитимность как бы и восполняется повышенной бдительностью и жестким контролем своих границ. Так же, как традиции Ильича сохраняются в современной отечественной политике (никаких диалогов с оппозицией), так и охранительный запрет на инакомыслие характерен для всей мировой науки – даже в демократических странах, поскольку сама внеэтичность науки и ее склонность к простоте решений накладывают деспотический отпечаток «заветов Ильича» на любое научное сообщество. *«Современная наука, – говорит Фейерабенд, – подавляет своих оппонентов, а не убеждает их. Наука действует с помощью силы, а не с помощью аргументов»* (Фейерабенд, 1998).

• **Экспансионизм** – наряду с бдительной охраной собственных территорий, это распространение наукой своего влияния на умы общества и политиков, по сути, на все сферы социальной жизни – систему образования, законодательства, массовой информации, медицину и пр. (а также, по возможности, своих идей на иные «ненаучные» виды знания с целью их «подчинения», опровержения или уничтожения). В политическом смысле страны с демократическим устройством пытаются распространять в мире идеи демократии (мирно или с помощью оружия), а страны с архаическим устройством совершают экспансию в собственной системе понятий – силовое и идейное доминирование, захват чужих ресурсов и территорий. Экспансионизм науки мож-

но сравнить только с методами второго, недемократического типа.

Отечественной классикой стал пассаж Александра Маркова: *«Биология – естественная наука – в последнее время начала смело вторгаться на «запретную» территорию, где до сих пор безраздельно хозяйничали философы, теологи и гуманитарии»* (А. Марков, «Эволюция кооперации...»). Из контекста работ Маркова понятно, что он обращается к идеям нравственности, красоты, религии и пр. не с целью познания, а именно с целью уничтожения тех сущностей, что мозолят глаза материалистической науке. Даже примирение науки и религии у Маркова выглядит как призыв к религии сделать себе харакири и больше никогда не спорить с наукой. Или, как сказал один японский генерал, урезать, так урезать. Но если серьезней, то проблема экспансии науки во все сферы общественной жизни – это некое состояние сегодняшнего социума, которое многие, кажется, проглядели.

2.

Несмотря на то, что политики и ученые являются «донорами» друг друга, в любом развитом государстве они в огромной степени друг с другом конкурируют за влияние на умы и даже делят власть. Если в архаических государствах прошлого существовали (впрочем, порой и ныне существуют) варианты теократии, либо союза церкви и государства, либо даже имитации такого союза, то в демократических странах Старого и Нового света в социальной области, без преувеличения, господствует наукокрания. В странах, где исторически существовал

союз церкви и государства, сегодня **роль и влияние церкви заняла наука, являясь теперь социальным институтом с аналогичными задачами** и некоей новой «квазидуховной» идеологией – образованием, воспитанием, формированием взглядов, способом мышления и социального поведения всего социума. Если бы гипотетически из социума исчезли все политики, то мы получили бы наукоκραтию уже в чистом политическом виде, где, скажем, отрицание эволюции приравнилось бы к чему-то экстремистскому. Таким образом, можно констатировать, что в развитых странах Европы и Америки в отсутствие прежней роли церкви сегодня наблюдается некое двоевластие – демократия и наукокрафия (на всякий случай еще раз подчеркну, что речь не о нашей стране).

При этом сравнение науки с новой религией, или даже современной науки с наукой Средневековья часто оказывается не в пользу науки сегодняшней. Религия знала свои темные времена, но сущностно всегда утверждала добро и противостояла человеческой жестокости. Также в эпоху расцвета науки, даже до недавнего времени, существовали многочисленные школы и течения с различными взглядами и горячими дискуссиями. Сегодня же в плане морали наука дает обществу чуть менее, чем ничего, а в образовательном плане является тюремным надзирателем. Ребенок с рождения получает единственный догматический вариант картины мира и способ взаимодействия с ним – натурализм, теория биологической эволюции, «научная картина мира». Вся система образования заточена под единую догму, сопровождающую каждого человека в течение жиз-

ни, висящую в воздухе, проходящую лейтмотивом через все его общения, знакомства, устройства на работу и пребывание в коллективе. При этом в школах и вузах безальтернативные догмы забиваются в голову с присказками о науке как чем-то неокостеневшем, гибком, находящемся в движении и развитии. Я уже упоминал, что в современных социумах, включая РФ, при всех декларативных заявлениях о религиозных ценностях и пр. – доминирующими продолжают оставаться именно материалистические принципы, равно как и требования безоговорочного им следования. Сказать, что ты не принимаешь какой-то «научно доказанный факт» – это с точки зрения «образованных» людей не просто расписаться в своем невежестве, но – ни много ни мало – **бросить вызов** всем накопленным знаниям, здравому смыслу и прогрессу.

В период коронавирусной пандемии 2020–2022 годов в РФ я поначалу не мог понять, почему отсутствие у некоторых граждан медицинской маски на лице часто вызывает столь неадекватную реакцию у стражей порядка – доходило до того, что некоторых граждан силовики брали, как террористов – выволакивали из автобуса, валили на землю и заковывали в наручники; видели мы и погони полицейских за убегающими гражданами без масок. Казалось бы – административное нарушение, и никто не валит на землю нарушителя-курильщика или пешехода, переходящего дорогу в неположенном месте. Однако ставки повысились – власти, в отсутствие других средств помощи (пока не объявили о собственной вакцине), придали ношению масок статус некоей государственной идеи, даже идеологии основного спа-

сения от ковида. Поэтому отсутствие маски на отдельном «уличном» гражданине стражи порядка воспринимали уже как вызов, акт демонстративного неповиновения власти, по сути, оппозиционную акцию. Ибо, по их мнению, это шло уже не против административных правил, а против государственной идеи спасения от ковида.

То же и с наукой, которая стала идеологией социума, как бы идейным мерилom всего, но по причине своей ложной первичности, имеет те же перекосы, что и в приведенном выше примере с медицинскими масками. Наука стала самоцелью, вещью в себе. Имей наука точкой отсчета человека, она рассказала бы, как люди жили в прошлом, об их целях, интересах, внутреннем мире и о том, какую роль играла в их жизни религия, но наука нам рассказывает не о человеке, а о том, как религия **сдерживала развитие науки**. В школе и институтах нас обучают не правилам жизни, а **наукам** (причем, по словам Борхеса, даже не наукам, а истории этих наук). Фраза «это ненаучно» в большинстве случаев воспринимается, как «это ложно» или «это не стоит внимания», хотя может относиться к вполне адекватным утверждениям. Степень образованности человека измеряется не его мудростью, не жизненным опытом, не философским или творческим багажом, которым он обладает, а **объемом тех знаний, которые связаны с наукой**. Политики и чиновники, имеющие и без того власть, стремятся иметь научные степени. Группа ученых, собравшихся под вывеской «Ученые против мифов», заявляет, ни много ни мало, что все беды нынешней цивилизации происходят от того, что **люди не интересуются на-**

укой. Как справедливо замечает Александр Шадов, сегодня, чтобы показать свою состоятельность и повысить авторитет в обществе, все объединения, политические партии, и даже религии вынуждены *«мимикрировать если и не под науку, то хотя бы под то, что ей не противоречит»* (А. Шадов, «Многие люди...»).

С самого детства окружающий мир окутан для нас манящей тайной и неизведанностью. Едва мы научились ходить, а нас уже тянут к себе дачные задворки, заросшие лопухами и крапивой, и закрытые дверцы шкафов. Мы ломаем механические игрушки, чтобы увидеть, как они устроены внутри, и заглядываем в игрушечные дома с освещенными окнами в надежде обнаружить там собственный миниатюрный мир. Нас манят другие города и веси, а позже звезды и таинственные космические миры. Однако догматизм «научной картины мира», на которой базируется сегодняшнее образование, быстро убивает эти детские переживания и ощущение тайны, ибо, как заметила однажды Елена Косилова, всё, к чему прикасается наука, мертвеет, и даже биология есть учение о смерти. Из нас вырастают не поэты и не подвижники, а существа, которые, даже будучи гуманитариями (и даже священниками), с пеной у рта доказывают свою преданность науке.

Часть 4.

Сциентизм, как же без тебя

1.

Наукопоклонники, часто не имеющие к занятиям наукой прямого отношения и в широком смысле именуемые сциентистами, повышают градус значимости науки и абсолютизируют научное знание до такой степени, что отрицают, и даже призывают игнорировать любое знание, не являющееся научным. Этот негативный подход был сформулирован еще Бертраном Расселом, заявившим, что любое знание должно обретаться научным методом, а то, что не может быть открыто наукой, не может быть известно человечеству. Философия или религия для сциентистов, *ab imo pectore* (если говорить от чистого сердца), неприемлемы тем, что «не ухватываются» наукой и никак не «контролируются» ею, хотя причиной неприятия публично объявляется их **несоответствие науке**, то есть – если что-то ненаучно, то уже бессмысленно. Такое восприятие естественно для позитивистской науки, но парадоксально для сциентистов, поскольку, утверждая свою опору на рациональность и авторитет науки, сами сциентисты движимы не рациональностью и логикой, а факторами сугубо психологическими – в первую очередь верой в абсолютную, основополагающую, по сути, божественную роль науки, плюс осознанием своей причастности к этому божеству.

Собственно, сама суть сциентизма – в его внутренней противоречивости. Наука как производное европейской культуры стоит на строго рациональных принципах, а сциентизм – чистейшая азиатчи-

на, культ авторитета, догматизм и охранительство. У сциентистов наблюдается явный когнитивный диссонанс – пропагандируя развитие и научный прогресс (то есть движение вперед на основе рационального научного мышления), они на деле охраняют застывшие догмы, отступление от которых вызывает у них явно не рациональные реакции. Выше мы сказали, что в развитых демократических странах научное сообщество всегда чуть более авторитарно, чем политическое и, вероятно, ровно этим определяется относительно цивилизованный уровень западного сциентизма – быть чуть более нетерпимыми, чем демократические политики, и иметь чуть более диктаторские замашки, но всего лишь – *чуть более*[4]. В нашем же отечестве другие системы отношений и другие аналоги. Весь тот родовой авторитаризм науки, с отсутствием у нее моральных начал, да еще в контексте, мягко скажем, «политической системы курильщика» и архаических воззрений социума, поднимает уровень российского сциентизма (под которым, напомню, мы понимаем не сообщество ученых, а фанатов и пропагандистов науки) уже до высот коллективного сектантского мракобесия. Отечественные сциентисты по своим «методам» пропаганды своих взглядов, нетерпимости к оппонентам и полемическим приемам почти неотличимы от демагогии авторитарных политических сообществ, например, хм, упоминаемых нами выше банановых островов Тихого океана.

2.

Сциентизм имеет проблемную психологическую природу. Разумеется, в основе всех наших

убеждений лежат психологические мотивы. Вне научного сообщества существуют люди, искренне влюбленные в науку, похожие на собирателей марок, нумизматов и на прочих приверженцев какому-нибудь хобби, с замиранием сердца читающие научно-популярные ресурсы, следящие за новостями и прочее. Но такие наукофилы явление абсолютно нормальное, ибо интерес их не замутнен никакими мотивами, кроме познавательных. Большинство же сциентистов причиной своего «состояния» имеют некий психологический дискомфорт, компенсацией которого сциентизм и является.

Самая простая причина сциентизма – это инфантилизм субъекта, неумение осознать себя цельной личностью, недостаточная самоидентификация. Ребенок или юноша, не вполне уверенные в себе, всегда мечтают, ища какую-нибудь опору; нечто, на что они могли бы равняться и к чему могли бы примкнуть. И это свойственно не только детям. Как бы странно это ни прозвучало, но тот же детский комплекс лежит и в основе стокгольмского синдрома, когда многие взрослые люди, находящиеся в заложниках некоторое продолжительное время, эмоционально привязываются к своим захватчикам, начинают воспринимать себя не жертвой, а сторонниками террористов и даже препятствуют действиям пытающегося их освободить спецназа – в эмоциональную зависимость от террористов попадают именно люди не вполне самодостаточные. В поисках почвы под ногами они примыкают к тому, кто в данный момент представляется им наиболее сильным и «убедительным».

Человек, условно говоря, здоровый и в широком

смысле творческий, не нуждается в дополнительных костылях самоидентификации, ему плевать на мнение толпы, но субъект с дефицитом самодостаточности будет всегда «добирать» ее, примыкая к некоему массовому движению, ассоциируя себя, скажем, с популярным футбольным клубом, религиозной сектой, националистическим движением или официальным сообществом ура-патриотов, поддерживающих действия власти. Недостаток самоидентификации у ребенка естественен и имеет свой срок, но у людей во взрослом состоянии он сохраняется либо как некая психопатология, либо как результат душевной и интеллектуальной лени. Можно тратить время, условно говоря, на самопознание и совершенствование себя, но гораздо проще ничего не делать и «просто вот так взять» и объявить себя частью чего-то большого и успешного. Тогда ты крут не потому, что сделал что-то невероятное, а потому что ты часть этой большой, сильной и успешной общности.

То же – и с психологической картой сциентиста. И увидели они, что наги, и прикрылись наукой. Наукопоклонник никогда ни разу не творец, а подражатель. Несомненно, что для людей посредственных или не вполне цельных «примыкание» к сильному и подражательство – спасительны своей легкостью. Сциентизм велик и прекрасен тем, что дает человеку, страдающему этим заболеванием, возможность не думать самому. Сциентисту не нужно ни ума, ни образования, ни тонкого восприятия, чтобы уже как данность считать себя во всем правым и имеющим основания «править» других. Однако сами сциентисты наивно думают, что таковая прича-

стность, в силу самой сложности и величия науки, делает их не просто более значимыми, но и возвышает над всеми непричастными к тем же тайнам. Выглядит все это комично, будто некий дурак вступил в «партию мудрецов» (организованную такими же дураками) и теперь имеет основание считать дураками всех, кто не с ними[5].

Здравый человек – это человек цельный и сомневающийся, то есть имеющий какую-то систему убеждений, но обладающий критическим мышлением. В отношении же почти любого сциентиста в полный рост действует эффект Даннинга-Крюгера, согласно которому люди, имеющие низкий уровень квалификации, имеют завышенные представления о собственных способностях и поэтому не знают никаких сомнений. Или, иными словами, интеллектуальные ничтожества являются самоуверенными дураками. «Меня терзают смутные сомнения» – это даже не о них.

Как всякий подражатель и имитатор, сциентист не способен к собственному «креативу», но, как истину в последней инстанции, как откровения богов, всегда воспроизводит ртом чужие квадратно-гнездовые нарративы. Всё то, что старшие товарищи – Докинз, Марков, Панчин и прочие – разжевали ему своими ртами и вложили в его рот. В Библии очень точно сказано, что разумный человек ищет знание сердцем, интуитивно, а *«уста же глупых питаются глупостью»* (Притч. 15:14). То есть ровно **всё то, что Докинз разжевал и вложил в рот сциентисту, тот, без всякого критического анализа и без минимального контакта с мозгом, вываливает из своего рта обратно в окружа-**

ющее пространство. Сциентисту кажется, что отказ от всех сущностей, каковые не соответствуют научному методу (религия, философия, искусство, мораль, красота, чувства), а также повторение слово в слово высказываний авторитетных для него персонажей делает его позицию сильной и убедительной. Тогда как это делает его позицию всего лишь непробиваемой. Однажды сделав свой выбор в пользу обожествления науки, такой тип, как мокрый алебастр, за пять секунд навсегда превращается в окаменелость. Больше он не услышит ни одного вашего довода, даже самого логичного и обоснованного, поскольку ему уже не нужны ваши доводы. Он, так сказать, уже приплыл в родную гавань. Впрочем, и вы от него ничего нового больше не услышите. Как говорится, если сказанное сциентистами прокрутить задом наперед, то мы услышим ту же самую херню, только задом наперед (парафраз из Виталия Косарева). Это невероятный для человеческой культуры парадокс, когда нищета, ограниченность и попугайство выдаются за богатство и сложность.

Характерно, что сциентисты, объявляя о своей приверженности науке, ограничиваются, как правило, лишь биологией и историей. Михаил Гельфанд (который особо не замечен в рядах сциентистов) с положительной коннотацией говорит, что биология, это наука для дураков (в значении «для чайников»), то есть дисциплина достаточно легкая для понимания и объяснения, *«неглубокая»*. Физики для популяризации своих открытий вынуждены оставить в стороне тонны своих уравнений и прибегать к художественным метафорам, а популярной современной математики в принципе быть не может. Со-

временную же биологию, считает Гельфанд, можно рассказывать кому угодно, там *«нет ничего высоколобога»*. Ее языком является теория эволюции, без которой биология перестает быть наукой и превращается в простой набор фактов, коллекцию марок (М. Гельфанд, «Биолаборатории...»). Я согласен с мнением о теории эволюции как идее, связывающей факты (это риторика), однако применительно к сциентистам давайте акцентируем внимание на том, что они считают допустимым для себя не разбираться в фактах как таковых, ничего не понимать в этих «коллекциях марок» типа морфологических деталей древнего черепа, механизмах экспрессии генов, древних египетских технологиях и др., однако им достаточно лишь бездоказательно озвучивать саму концепцию, то есть теорию эволюции или принятые исторические концепции. Такое положение дел является лучшим свидетельством принципиальной невозможности какой-либо дискуссии со сциентистом. Тот знает только методичку, произносит нужные фразы из дацзыбао и бурно реагирует на любые от них отклонения. Ну и, конечно, никогда не забывает спасти мир от религиозного дурмана.

Я иногда испытываю некоторое неудобство, просматривая на ютубе лекции или дискуссии какого-нибудь более-менее известного сциентиста. Поскольку в картине сциентизма «научному методу» в наибольшей степени не соответствует религия, то и ее аргументы считаются наиболее слабыми. Поэтому все эти наши замечательные Лидины-Соколовы-Дробышевские-Панчины предпочитают наиболее безопасным для себя **дискутировать с представителями религии**. А неудобство я испытываю от-

того, что сциентисты не видят, насколько беспомощно они выглядят со стороны со своей намеренной «обрезанностью» (никакого антисемитизма) и неуместной в разговорах о мироустройстве погремушкой «научного метода». Сегодня, в век эпидемии научности, этих ребят часто приглашают для дискуссий религиозные каналы («Спас», «Серафим» и др.) в стремлении показать свою **неотчужденность от науки**, и даже почитающие за честь, что с ними, людьми религиозными и посконными, общаются самые авторитетные представители общества, ученые и научные просветители. Но когда мода на сциентизм пройдет, эти дискуссии будут восприниматься, как некие абсурд-шоу из прошлого. Так некоторое время назад, когда страна еще смотрела телевизор, существовала, помнится, программа, где камера оператора безотрывно следовала за каким-нибудь бомондным фриком – тот воспринимал это внимание как заслуженную звездную славу, жеманничал на камеру и нес чушь. А по задумке режиссера подразумевалось нечто вроде визуализации цирка уродов, бородатой женщины или сиамских близнецов, ибо уродство, как всё скрываемое и редкое, притягательно.

И эти дискуссии Лидиных-Соколовых и проч. столь же притягательны своей нелепостью, сочетанием внешней самоуверенности и внутренней беспомощности сциентистских персонажей. Оппонирующий им священник или религиовед приводит разумные доводы, строит логические цепочки, цитирует философов и поэтов. Представители от религии могут быть сильнее или слабее, лучше или хуже, но каждый из этой сциентистской бригады всегда хуже.

Эти борцы с религией не понимают, что их аргументы типа «Религия несостоятельна, потому что ненаучна» – не уничтожают доводы священника (как они на полном серьезе считают), а выставляют их самих идиотами. Без всякой социологии Екатерины Шульман и без лингвистических анализов Дэниела Эверетта видно, что одна сторона демонстрирует живой образный язык, богатство словаря и аргументов, а у сциентистов, даже претендующих на какие-то собственные словесные конструкции, всегда одни и те же языковые паттерны, бедная речь и набор штампов. (И обилие их восторженных почитателей в комментариях вызывает холодок от страшной догадки об истинном количестве идиотов). Будь эти спорщики хоть немного в теме, они бы никогда не осмелились нести ту дичь, которую несут, да еще с победным видом. Интеллектуальную планку «не знайте даже азов религиоведения и позорьтесь по полной», задает им, как уже замечено, Докинз, опровергающий Бога, например, следующим образом: *«Творческие мыслящие существа, будучи продуктами эволюции, неизбежно появляются во Вселенной на более позднем этапе и, следовательно, не могут быть ее создателями»* (Р. Докинз, «Бог как иллюзия»).

«Расскажите о вашей версии происхождения мира, – позорясь строго по Докинзу, говорит Соколов приглашенному им священнику, – только без этих ваших религиозных аргументов, потому что наша дискуссия научная»!^[6]

«Религия, – это ошибка мышления, – продолжает плодить невежество и Дробышевский, тут же демонстрируя собственные ошибки мышления. – Никакая философия, никакой Поппер для получения

научного результата не нужен. Чтобы исследовать предмет, нужно просто потыкать в него палкой. Если все попытки покажут одинаковый результат, то он правильный».

Отечественные «просветители» годами повторяют одни и те же несвежие аргументы против религии, но Дробышевский иногда будоражит это болото новыми вспышками атеистического разума, заставляя атеистов прежних времен ворочаться в гробах от зависти. В споре о разумности и полезности веры Дробышевский выдает креативы в стиле новых гопнических времен: «Для религии полезно всё, что денежки приносит!» Оказывается, что единственной мотивацией апологетического движения Уильяма Лейна Крейга является лишь то, что Крейгу *«денежки заносят»*, и этот, как его, Крейг, наверняка имеет шикарный дом в Калифорнии на берегу моря (слюни зависти капаят в микрофон) – и это при том, что до сей минуты Дробышевский ни ухом ни рылом не слыхивал ни о каком Крейге – о том, что Крейг, помимо своего движения «Разумная вера», активно занимается благотворительностью, не говоря уже о том, что он – один из самых влиятельных современных философов[7].

«Если человек верит в Бога, – пытается креативить и Лидин, – то он обязан принять и все прочее сверхъестественное – магию, астрологию, шаманизм и пр., потому что у всех верующих единый механизм принятия чудес – это сбой в работе мозга и слишком большая доверчивость». Собеседник, слушая его, вполголоса констатирует для себя названия логических ошибок, сделанных Лидиным, о которых тот, разумеется, и слыхом не слыхивал («Истин-

ные шотландцы», – слышит Лидин непонятное для себя). А стилистика-то, стилистика!

Всё происходящее вызывает недоумение – как будто и не существовали до того столетия дискуссий, целая бездна мыслителей и школ, и будто не было даже никаких «своих»: Ренанов, Губельманов-Ярославских и совсем недавних Варраксов и Небедных с их избами-дебатнями, всех этих героев, ныне убранных в пыльный чулан по причине проигранности ими всех сражений – нет, эти сегодняшние ребята, словно Наташа Ростова на своем первом балу, смотрят на мир новыми глазами, не зная ничего, не слыша, не понимая и не принимая ни одного аргумента оппонента, и лишь пересказывая ртом либо методичку с вариациями и изводами от Докинза, либо пришедшую им самим в голову дичь, еще хуже Докинза.

Так, Соколов, строго блюда методичку и утверждая, что знает технологию обработки камня в Древнем Египте, вынужден выдумывать объяснения на ходу и поэтому несет околесицу. Например, что древние египетские вазы – поскольку изготавливались примитивными инструментами – отнюдь не были тонкостенными, а стенки ваз из алебаstra не просвечивались. (А. Соколов, стрим 01.05.2021). При этом обсуждаемая египетская ваза предательски полупрозрачна. Вообще, «просветительство» тертых инфоцыган братьев Соколовых, как и прежде, сводится не к задаче объяснить феномен древних технологий, а методично «работать на понижение», на обесценивание этих феноменов. А вот тут, типа, сделано криво, а вот тут – ничего сложного. Любое обнаружение у древних египтян работы низ-

кого качества вызывает восторг – египтяне халтурили! (на самом деле, речь идет о поздних попытках имитации своего раннего искусства). Вспоминается Пушкин – «при открытии всякой мерзости толпа в восхищении».

Брат Соколова, будучи спущенным под крышку в огромный кафельный, то есть, пардон, каменный саркофаг в Серапеуме, изготовленный из единого куска гранита, радостно констатирует, мол, внутренние углы саркофага не прямые! Не 90 градусов, а 90,7! (см. ролик «Невозможные саркофаги...») Человек, не знающий сути происходящего, удивился бы – чему этот человек из-под крышки радуется? Но однойцевый брат Соколова способен лишь на умо-заключение, что *внутренние* углы многотонного саркофага, сделанного пять тысячелетий назад, менее точны, чем *внешние* углы маленькой гранитной тумбы в Питере, сделанной сегодня на промышленном оборудовании. Как говорится, раньше братья Соколовы плохо разбирались в древних египетских технологиях, а теперь привыкли.

Все эти игры на понижение, «толстые стенки» ваз и собственные кривые эксперименты с обработкой камня тем более странны, что феномен древних технологий существует объективно, и его нужно объяснять, а не пытаться «задерьмить» [8]. Вместо «разоблачения» сложности древних египетских технологий, братья Соколовы давно могли бы заняться чем-то более полезным, например, научиться играть на банджо или освоить тирольское пение дуэтом. Однако, построившись свиньей, они идут в новые и новые атаки на то, о чем не имеют понятия.

Впрочем, тот же Александр Соколов в своих пред-

ставлениях о науке продвинул настолько, что на полном серьезе утверждает, что спор двух любых ученых по определению невозможен, ибо **настоящим ученым не о чем спорить**, а для того, чтобы спор состоялся, оппонентом ученому должен выступать какой-нибудь «фрик» (при этом реальных оппонентов эти смельчаки всегда избегали, прикрываясь нежеланием их рекламировать и предпочитая на своих концертах устраивать постановочные дебаты, где один из участников изображал «фрика»).

Большинство сциентистов, мнящих себя просветителями, паразитируют на единственном приеме, очень простом и удобном в применении – сводить все нынешние человеческие качества и реакции к якобы их эволюционным истокам. Какая-нибудь Ирина Якутенко или Евгения Тимонова никогда особо не парятся – на вопрос, скажем, о страхе человека перед темнотой (пример произвольный) следует ответ, что наши предки в ночной африканской саванне ожидали внезапного появления хищника из темноты, и этот страх закрепился в наших генах. Даже в благом деле объяснения вреда телевизионной пропаганды мы услышим, что наш мозг за миллионы лет эволюции выработал привычку лениться и поэтому легко принимает любую чушь. Это – как увлекательная игра, где любой вопрос подгоняется под единственный ответ. Правда, это игра *сама в себя*, самодостаточная, не дающая никакой достоверной информации. С тем же успехом можно сказать, что когда надвигается гроза, небо внезапно чернеет и поднимается сильный ветер, мы испытываем тревогу потому, что в наших генах записана память о

всемирном потоке (ремарка: это была ирония).

Но в этих играх «объясни любой чих эволюцией» всех превзошел, конечно, Александр Марков. Перефразируя шутку про татарина – когда Александр Марков падает в воду, он не становится мокрым – это вода становится эволюционной.

Теория эволюции, биологизаторство, сведение сложных психических явлений к физиологии – это профанация познания, легкий хлеб, отказ от пользования головой, данной тебе для задач посложнее. Это капитуляция в плане объяснения сложности жизни. Станислав Дробышевский превзошел уже всех литераторов, превратив свои лекции в произведения художественной литературы, связанные с реальностью в лучшем случае на уровне прототипов. Бесстрашие Дробышевского в производстве фантазий – ввиду возможности внезапного появления реалистов с гнилыми помидорами – восхищает. Каждый раз в голову приходит тот же классический вопрос: «Захарий, ты зачем полез в солярий?» В лекции о происхождении религии Дробышевский уверяет, что ее зачатки можно наблюдать уже в том, что шимпанзе приносят дары некоему священному дереву (на самом деле бросают камни и бьют по гулкому стволу, слушая звук). Голубя из известного эксперимента Скиннера, выработавшего рефлекс на кормление, Дробышевский самочинно именует «верующим голубем», так как, по его мнению, голубь «верит» в то, что, скажем, случайный поворот им головы приводит к кормлению, поскольку сама религия, по определению Дробышевского, это «вера во что-то непрактичное». Тут все вывернуто наизнанку, а голубя можно назвать, скорее, «голубем-уче-

ным», ибо тот установил причинно-следственную связь между собственными действиями и кормлением, а его «вера», будь таковая в реальности, более чем практична, ибо он получает еду (С. Дробышевский, «Эволюция креационизма»).

В лекции о генезисе красоты Дробышевский «полез в солярий» уже без всякой оглядки и осторожности (С. Дробышевский, «Эволюция красоты»). Как говорится, комок подкатывает к горлу от сострадания к этому человеку, не имеющему ни малейшего представления о предмете. Любая наука и метод сразу скрылись в облаках, махнув крыльями на прощанье. Делом чести любого эволюциониста является сочинение сказки о происхождении чего-то сложного от самого примитивного, но, как это водится у подобных объяснителей, Дробышевский взял проблему сразу с середины пути. Люди, мол, видели, красивых птиц, выбирали пещеры с красивыми видами – и так постепенно втянулись. Как говорят рок-н-рольщики, мама, мама, ooh. То есть красота есть некая объективная метафизическая сущность, которую человек подсмотрел у природы? Что-то тут не сходится с материализмом, но вроде да, ибо цветок, согласно Дробышевскому, воспринимает свою красоту глазами бабочек (!), летучие мыши звуковыми волнами, а самка птицы шалашника эстетически оценивает построенную для нее самцом арку, выбирая, у кого из самцов *арка наряднее*. Дробышевский всерьез думает, что самец птицы не следует прошитой в нем программе (инстинкту), а проявляет собственную свободную и творческую волю, типа могу построить так, а могу и двухэтажную арку сделать. «Ты, кобель, по-моему, до меня уже кого-то

в эту арку водил». Дробышевский и слыхом не слыховал, что такое красота и почему человек воспринимает ее как нечто, выходящее за границы физического мира. Поэтому он почти моментально все запутывает. Главное, чтоб было не правдоподобно, а эволюционно. И чтоб была не метафизика, а мясо. То вдруг выясняется, что чувство красоты в нас постепенно пробудили утилитарные вещи, то необычные камешки, отличающиеся от разыскиваемой еды (еще на стадии австралопитеков, поэтому метафизическую красоту птиц вычеркиваем), а то – до сих пор томит нашу душу ностальгическое чувство прародины, милой Африки, ибо русские пейзажи нам нравятся только потому, что напоминают древние африканские, а коровы напоминают буйволов.

Черт возьми, это выступление ученого или у нас тут гавайская вечеринка? И что с этим делать? Эффект Даннинга-Крюгера в действии – самоуверенность и гонор профанов порождены и незнанием предмета, и дикой переоценкой своих способностей, и непониманием, что кто-то может быть правее их, ибо они – хоть ты тресни – высказываются от имени самой науки. Если уж говорим о птичках, то, как сказал один средневековый ворон, «нездоровая какая-то атмосфера».

3.

Если в целом ученые сообщества по своей сути склонны к авторитаризму, то наши сциентисты, особенно известные пропагандисты науки (не говоря уже об их поклонниках), по большей части являются носителями **тоталитарного мышления**. Андрей Кураев говорит, что *«признак тоталитарного*

мышления – это неумение признать за другим человеком права на иную точку зрения. Тоталитарная психология предполагает, что не согласиться со мной может или мерзавец, или идиот, или предатель» (А. Кураев, «Бог изумляющий»). В принципе, всё, чем больно общество, тем больны и его части. Архаичными отношениями у нас всегда славились и школа, и тюрьма, и казарма. Но проблема в том, что в ситуации, когда наука и ее представители являются безоговорочным общественным авторитетом, деятельность сциентистов, этих проходимцев и самозванцев от науки, претендующих на собственное влияние в обществе и оценку иных сфер культуры теми же казарменными методами – такие расклады не только, так сказать, не милы прогрессивному русскому сердцу, но просто неприемлемы. Мало нам политики, так еще и эти...

Выше мы сказали, что сциентизм принято считать гипертрофированной формой приверженности науке, неким экзальтированным увлечением подобно футбольным фанатам. Нет, сциентизм – это по стилю мышления и реакции нечто более специфическое. Честно говоря, я не люблю «измы», и у меня язык не поворачивается сказать твердо, что сциентизм, это интеллектуальный фашизм или тоталитаризм. Дело в том, что в основе всякого зла, помеченного «измом», лежит некое inferнальное начало; по крайней мере, почти у каждого «изма» есть родовое свойство быть противником христианства. Оно не есть качество какой-то определенной нации или сообщества, и мне представляется пустым делом поиск генезисов и различий между «измами»; inferнальное зло может проявиться всегда

и везде, а «измом» мы его помечаем сами, для координатной привязки.

Между тем сциентизм, хоть и кажется несколько мелковатым для понятия инфернальности, весьма близок к каким-то древним архаичным типам людских взаимодействий. Парадигма авторитарно-тоталитарных сообществ, это – мы всегда правы, а во всех наших провалах виноваты враги. В подобной реальности существует и сциентизм. Здесь уже не аналогии, а тождества – только вместо богопочитаемого диктатора у сциентистов выступает наука. В области познания ничего, кроме науки не существует, и все окружающее имеет смысл только в ее свете (вспомним изречение Добржанского об эволюции). Тоталитарное мышление сциентиста отказывает в праве на существование любому инакомыслию, не оставляя никакого пространства для разногласий. то есть по сути искореняя саму движущую силу не только культуры, но и самой науки. Когда клоуны из «Антропогенеза» вручают свою премию «ВРАЛ» даже сомнительным ученым (не за конкретные работы, но всегда персоналиям, с целью объявить «фриком» определенного человека), то тем самым демонстрируют свое право покушаться на любую многоплановость в науке, на любое разномыслие, споры и несогласия. При этом имеет место оруэлловское двоемыслие и несоблюдение собственных правил, поскольку наукопоклонники существуют вне логической предметности – как по причине разрыва с реальностью (неадекватного ее восприятия), так и просто в силу собственной недалекости и чувства превосходства[9]. Вдобавок к этому сциентисты не просто упороты в охране своих догм, но стараются максимально навя-

зять их окружающим – стремятся не только «просветить» общество, а всегда тревожно озабочены тем, что общество не просвещено. Свою роль они видят как некую миссию, но эта форма просвещения весьма опасна, поскольку распространение своих взглядов они проводят в рамках откровенной сегрегации с последующей травлей несогласных.

Здесь не будем долго задерживаться на «клаке», публике, неусыпно обитающей в комментариях на сетевых ресурсах известных сциентистов. Хамство в комментариях – это само по себе свидетельство воспитания, обычная наша азиатчина. Но у сциентистов «это другое». Как пелось в старой песне, «кто хоть однажды видел это, тот не забудет никогда». Те мои читатели, которые после собственного высказывания или замечания (вполне здравого) в сетевых комментариях сталкивались с картиной внезапного шума, треска веток и набегом стаи визжащих и бросающихся калом бабуинов, знают, о чем я говорю.

Но у их «наставников» психотип тот же. Можно вспомнить объяснение Александра Маркова причины его чрезмерной грубости с оппонентами. Люди, которые не приемлют теорию эволюции, согласно Маркову, не заслуживают уважения и с ними можно не церемониться. Марков борется с инакомыслием под шизофреническим предлогом того, что существует какая-то демократия в науке. Не будем «объяснять на Гитлере», однако система его взглядов вполне тоталитарна. Весьма авторитетные коллеги Маркова указывают на его чрезмерное биологизаторство и расизм (Е. Панов, 2010, 2012; В. Шнирельман, 2021). Также и какой-нибудь Александр Соколов заявляет, что для него люди делятся не на хороших и

плохих, а на образованных и необразованных. Зная контекст, очевидно, что под необразованными Соколов понимает исключительно несогласных с его взглядами. И ладно бы «сегрегировал» людей на уровне мнения, но его идея **выливается в требование общественной дискредитации** этих неудобных, что отражено в документах соколовских мероприятий[10].

И здесь, по сути, как и в расизме, деление на чистых и нечистых, отказ в публичном и профессиональном существовании всем противникам и уклонистам. По большому счету, даже идея уничтожения их в публичном поле или, как минимум, нанесение им максимального репутационного ущерба, когда человек навсегда попадает в сетевые справочники и прочие википедии с репутацией клоуна и сторонника лженауки. Не говоря уже о часто проявляющемся желании сциентистов отомстить противнику за проигранную схватку, мелко нагадить.

Как и в тоталитарных обществах, сциентисты используют языковые штампы для расчеловечивания несогласных – «фрики», «мракобесы», «немоглики», «пирамидиоты», «долбославы», «кретинисты», «айдиоты» и др. (В сетевых дебатах начала 2000-х атеисты часто с презрением называли верующих «крещеными», что было столь же глупо, как называть своих оппонентов, скажем, теплокровными, ибо атеисты начала двухтысячных сами все поголовно были крещеными в советском детстве своими бабками и мамками). Такие штампы призваны пресечь любые дискуссии, демонстрируя, что утверждения оппонента строятся не на разумной аргументации, а порождены его личной патологией. Услышав такое,

знайте, что перед вами сциентист, человек, прикрывающий какой-то свой собственный комплекс и охраняющий свою поляну. Ибо желание быть псом-охранителем, лающим на всех, кто не разделяет «научных взглядов», чаще всего происходит от внутренних сомнений в легитимности своего личного присутствия «в чертогах науки». Как тоталитарные режимы имитируют демократию, так и сциентизм имитирует главный научный принцип – сомнение и отрицание, только проявляет его исключительно в отношении противника («лженаука!», «псевдонаука!»), но никогда в отношении себя. Воистину, мы всегда правы, а в наших неудачах виноваты враги.

4.

Виктор Вахштайн в 2017 году разворошил сциентистский улей своей известной лекцией (В. Вахштайн, «Популяризация...»), сказав, что просветительское движение в нашей стране выродилось в особую секту, считающую своей миссией нести свет миру. Действительно, плохо, когда кто-то находится не на своем месте. Но гораздо хуже, когда люди, *недостойные завязывать шнурки достойным*, занимают именно их место.

Какая-то драная проебида (от англ. *prohibit* – «запрещать»), которой дали право запрещать и банить неудобных в антропогенезовском паблике Соколова, на предостережение аккуратнее высказываться о Викторе Вахштайне, в ответ высказывается с гонором: *«Перед Вахштаном невозможно опозориться. Он же практически фрик»*.

Все это глубже и еще гнилее, чем может показаться. Не нужно перечислять все регалии Вахштайна

(ибо он и без регалий – явление), не нужно спрашивать: «Ты сама-то кто такая?» Это поразительная ситуация – в обществе, где наука признана высшей ценностью, любой кретин, заявивший о своей приверженности науке, одним фактом вступления в это говно, то есть, пардон, в этот орден избранных, может судить других людей и раздавать им ярлыки. Они, как и все обыватели, бесчувственны к красоте мира и искусству, им не осилить глубин философии и религии, они примитивней, проще и пошлей любого знания, но само чувство принадлежности к «науке» дает им ощущение величия и превосходства над поэтом и философом.

Истоки этого лежат в тех временах, о которых мы говорили в начале статьи – в наступлении нового времени, отменившего прежние традиционные ценности. Нечто человеческое, истинное, теплое, ламповое ушло навсегда, а пустоту заполнили какие-то другие люди, вползшие в запретный меловой круг и установившие новые правила. Концептуально сциентизм – это ситуация, где настоящие фрики и мракобесы захватили прежнее пространство и теперь называют фриками и мракобесами здоровых людей, наследующих прошлой полноте и прежнему качеству знаний. Всё, как в политике – пираты захватили банановый остров в Тихом океане и теперь сами решают, кого из островитян называть пиратами. Объявляя себя сторонниками и носителями научного знания, нынешняя шпана почему-то мнит себя чем-то вроде новой касты и судьями других. Отказ от всего культурного богатства, презрение к метафизике и примыкание к науке сциентист считает не деградацией, а неким собственным умственным до-

стижением, интеллектуальным прорывом, дающим право на высокомерие и легкость суждений. Да, закольцовывая – это идет с отказа от Традиции, это идет с Марксов, Дарвинов и Фрейдов, это рассказ о том, что норма ушла, а теперь мусор, отбросы занимают место нормы. Дураки учат умных, больные лечат здоровых, кривые показывают прямой путь.

5.

Итак. Наука и сциентизм несовместимы, поскольку первая худо-бедно являет собой некий подлинник, а сциентизм (особенно в виде «научного просветительства») – не что иное, как имитация этого подлинника, подражательство ему, каргокульт, самолет «из говна и палок». Наука, опять же, худо-бедно движется сомнением и отрицанием, поступаясь прежним знанием ради нового (релятивизм, квантовая механика, эпигенетика и др.), а сциентизм реакционен – строит декорации и ширмы, в которых научное знание – это догма и отрицание любой критики и сомнений. Да и в целом сциентизм, как любое подражательство, легок и необременителен. При этом любопытно, что сами догмы, проповедуемые отечественными сциентистами, в большинстве своем **устарели**, и наши наукопоклонники, требуя от других держаться передовых научных взглядов, продают нам плесень. В мировой науке уже давно поставлены под сомнение (или значительной частью сообщества отвергнуты) многие прежние положения (роль прямохождения, размера мозга и труда в гоминизации, «переходность» таксонов и сама таксономии *Ното*, ген-центризм, случайность мутаций и адекватность неodarвинизма в

целом и др.), однако отечественные воины света продолжают преподносить многие протухлые истины как мейнстрим, использовать в аргументации и биться в припадке от сторонней их критики – всё ради сохранения принципа *строгости научного знания* и в противоречии с принципами самой науки.

Повторим, что противоречивость сциентизма – его родовая черта. С одной стороны любые рассуждения в терминах метафизики вызывают у наукопклонников неприятие и презрение, с другой – их отношение к науке вполне религиозно. Они провозглашают приверженность рационализму, но подоплека сциентизма корнями уходит в психику. В отличие от науки, сциентизм – не потребность в поиске нового и не идейная позиция, а, как и в случаях любого другого фанатизма или обостренной привязанности, психологическое состояние, определенный «дефицитный» комплекс, компенсированный в виде ролевой игры в научность. Сциентисты – это своеобразные научные реконструкторы.

Между тем сам термин «сциентизм» уже настолько затерт (и нерелевантен сам по себе), что, я полагаю, требуется какое-то новое определение. Поэтому более адекватным определением сциентизма, с учетом его психологической составляющей, мог бы быть термин «**наукопатия**», а любой сциентист именовался бы наукопатом.

* * *

И в завершение этой части статьи – тест «Сциентист ли вы?»

- Из каких источников вы приобрели свои сегодняшние знания и взгляды? (Из научных и научно-

популярных – 1 балл; из разных областей культуры, включая науку – 0 баллов).

- Допускаете ли вы возможность недостоверности ваших источников или некомпетентность их авторов? (Нет – 1 балл; да – 0 баллов).

- Как вы считаете, почему другие люди имеют противоположную точку зрения на то, что утверждает наука? (Потому что они плохо образованы (хард-вариант: «мракобесы») – 1 балл; потому что противоположная точка зрения существует или не относится к компетенции науки – 0 баллов).

- Допускаете ли вы, что другие люди могут иметь и пропагандировать ненаучные взгляды? (Нет – 1 балл; да, например, из области искусства, религии и др. – 0 баллов).

- Могли бы вы привести научные доказательства ваших взглядов? (Да, включая ссылки на Докинза, Маркова, Дробышевского etc., на аксиоматичность или доказанность принятых научных концепций, а также «бросание слонами» («Все музеи забиты переходными формами, все факты вопиют об эволюции») – 1 балл; нет, или мои взгляды не связаны с наукой – 0 баллов).

- Есть ли вероятность, что ваши взгляды, например, теория эволюции или происхождение человека и его история окажутся неверными в будущем? (Нет – 1 балл; да, или могут значительно измениться в результате уточнения, или вариант «это не ко мне» – 0 баллов).

- Что могло бы опровергнуть ваши знания и взгляды? (Ничто, вопрос закрыт – 1 балл; фальсификационный пример или вариант «не знаю» – 0 баллов).

Если в итоге вы набрали более одного балла – бегите, ваши дела плохи, вы – сциентист! Точнее, наукопат. Впрочем, в отношении моих читателей, понятно, что это обращение риторическое. Полагаю, что ни один истинный наукопат (шутливая отсылка к известной логической уловке) не смог бы дочитать статью до этого места.

Часть 5.

«Они поссориться не могут, они похожи друг на друга»

1.

В одной из предыдущих своих работ я уже говорил, что понятия «наука» и «искусство» терминологически идентичны, то есть по сути синонимы. «Наука» происходит от «навыка» (строслав. «выкнуги», чеш. «navykati», польск. «nawuknas» и др.) и подразумевает наученность чему-либо на опыте («Впредь тебе это будет наукой»). А «искусство» подразумевает искусность, искусенность в своем деле, по сути ту же наученность делу и опытность в нем. Я не могу удержаться от желания потроллить ученых и сциентистов в том, что с точки зрения научной методологии термин «искусство» *более научен*, чем «наука», поскольку этимологически имеет в основе «искус» (старославянск. «искоусь», укр. «кусити» и др.) – искушение, испытание, брошенный вызов, который был пройден. То есть научно-терминологически искусство – это не только нечто сделанное умело, но и успешно преодолевшее процедуру фальсификации. Так сказать, его кусали, но у них ничего не вышло. Возможно, лингвисты порвут меня в клочья, но я выскажу смелое предположение, что термин «искусство», помимо свойств приобретения опыта и способности устоять перед «укусами» и «искушениями», содержит еще и намек на некие высшие сущности. Праславянское «kusiti» заимствовано из готского (древнейшего из письменно зафиксированных германских языков) «kausjan» – вкушать, испытывать. При этом существует понятие каузальности

(то есть причинности, обусловленности события порождающей его причиной), происходящее от латинского «causalis», в свою очередь происходящего от неустановленной формы. Возможная корневая связь «kausjan» с «каузальностью» («causalis») как бы намекает на некую первичность, причинность упомянутого опыта вкушения или испытания; возможно, даже на некий источник, находящийся вне рамок личного опыта тех, кто занимается искусством. И если это так, то термин «искусство» в онтологическом смысле выглядит более основательным, чем просто собственный навык людей в понятии «наука». То есть наука – это «просто» опыт, а искусство – и опыт, и преодоленное испытание, и некий внешний источник в качестве причины.

Впрочем, не будем «разжигать», ибо термины – это термины, и суть вещей мы познаём не из них. В науке «искус» (сомнение, проверка на фальсифицируемость) – вообще первейшее ее свойство, и не наша проблема, что в реале она часто не соблюдается. А суть в том, что сами наука и искусство имеют общность не только на уровне терминов.

2.

Науки бывают разные. Или, перефразируя старую рекламу, не все науки одинаково «научны». Сциентисты, употребляя к месту и не к месту свою «науку», подразумевают под ней нечто абсолютное и универсальное, тогда как это нечто – вполне себе резиновое и растяжимое. Разные дисциплины используют разные методы, в каждой из них свой уровень обоснованности и доказательности. Члены научного сообщества получают ученые степени как по

физике, так и по филологии. Математика считается языком науки, но гуманитарные науки не базируются на математических методах. Искусствоведение, филология или религиоведение не используют методы проверки теорий, принятые в естествознании. То, что в медицине или экспериментальной биологии считается недоказуемой гипотезой, в «биологии происхождения», то есть неodarвинизме, рассматривается как «научно доказанный факт». Отловленный вами в подземном переходе любой математик с большой долей вероятности скажет, что только его предмет является настоящей наукой, а всё прочее – это просто мнения. Вспомним слова Резерфорда, что наука делится на физику и собирание марок. Впрочем, с точки зрения математика – это тоже может быть только мнением.

Области научного знания выстраиваются в следующую условную последовательность – **математика, логика, естествознание, технические науки, социальные науки, гуманитарные науки**. Перефразируя Пастернака, дальше кончаются науки, и дышат почва и судьба.

* * *

Математика и логика в качестве инструмента ювелирно точны и изящны, остры и неотвратимы, как проглоченный скальпель. Математик может быть неадекватным в бытовом плане, но вполне автономно существовать в собственном мире условных знаков и символов. Иногда с математиком случаются странные эксцессы – он говорит, что первые его подходы к решению задачи интуитивны, а верность решения подтверждается красотой выведен-

ного уравнения. Однако в целом математика – это дисциплина, абстрагированная от «живой жизни», от *летних дождей* и *клейких листочков* и фиксирующая специально изобретенными знаками отношения между абстрактными объектами – хотя искусственным языком математики можно не только описать буквально всё, включая дожди и листья, но и вытянуть на свет нечто целое, зная лишь его отдельные части.

Но если математика, являясь базой, языком и поводырём для всех наук, в целом самодостаточна, то на стадии логики (в нашей цепочке наук) начинается нечто странное – как будто одной только логики для описания окружающей реальности нам уже не хватает. Логика, как и математика, для всех наук фундаментальна – без нее ни в одной из научных дисциплин невозможно рационально мыслить, устанавливать причинные связи и выносить верные суждения. Но с теми же своими парадоксами и апориями логика не справляется потому, что в пределах ее подхода они защищены от решения своей непреодолимой двузначностью и неспособностью соединить формальную истинность и эмпирическую «человеческую». Любой творческий процесс включает в себя интуицию, не подлежащую логической формализации, равно как и не ухватывается логикой картина действительности, созданная с помощью сугубо человеческих представлений «о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви». Философ Диодор Кронос, поклявшийся не принимать пищу до разрешения «парадокса лжеца» и умерший от голода, как и Филит Косский, по той же причине в отчаянье бросившийся со скалы в море («если доктор

нам не врет») – умерли потому, что не пожелали допустить ограниченность логики и посчитали ее самой по себе исчерпывающим инструментом познания. Но вот, писатель Оскар Уайльд высказывается, что природа склонна подражать искусству. Математическому уму это кажется логическим парадоксом, даже абсурдом, поскольку считается, что только искусство способно подражать природе. Однако в эту логику включен человек и его восприятие – речь идет о том, что, если мы любим, например, живопись импрессионистов, то природа продемонстрирует нам себя в знакомых и ожидаемых нами проявлениях. Или замечание Льюиса – «вина было так мало, что гости сильно опьянели» – тот случай, когда причинно-следственную связь мы понимаем лишь интуитивно. И здесь нет ни абсурда, ни даже парадокса – это лишь те случаи, когда логика неспособна разрешить проблему соотношения объективного и субъективного, формального и «жизненного».

Некоторые из моих друзей, отчаявшись убедить своих оппонентов в дискуссиях, пошли по пути предельной формализации своих аргументов, сведя их к уравнениям и силлогизмам. Но это не работает, и даже у единомышленников остается ощущение какой-то безжизненности и выхолащивания «живых» аргументов, даже при логически безупречном результате. «Маловато, понимаешь, будет». Несомненно одно, что логика, этот мощнейший инструмент познания – способна работать только в паре с интуицией, и без их союза, без выхода за границы формально-логических схем ни один творческий процесс невозможен. Что бы кто ни говорил (на эту тему есть любители поспорить), но даже у сумасшедшего математика

тика сначала вспыхивает догадка, а потом следует обоснование (об этом скажем чуть ниже).

* * *

Далее в нашей градации наук следует **естествознание** – комплекс естественных наук, исследующих природу – физика, химия, биология, геология, география, экология, астрономия, на стыке которых работают смежные дисциплины, например, биохимия, геофизика, климатология и др., а также прикладные науки вроде агрохимии, горного дела, химических технологий и пр. В основе естествознания лежит «естествоиспытание», то есть получение знаний о природных процессах, их связях и законах опытным путем. Это именно тот комплекс наук, которым, выражаясь метафорически, потомки Адама отреагировали на слова Творца, что после грехопадения земля произрастит им терния и волчцы (колючки и сорняки, в широком смысле трудности и препятствия), и хлеб свой им придется добывать в поте лица своего (ср. Бытие 3:18–19). С одной стороны, естественные науки – это неизменный предмет познания человеком природы для облегчения собственного земного существования, с другой – предмет гордости условного сына, осознавшего самостоятельность и ненужность (даже презрительную ничтожность) своего отца, ощущение себя царем природы и причина отпадения от христианства – от его сложностей в обмен на более упрощенный и прагматичный взгляд на окружающее. Но отказавшись от «предрассудков» вроде познания сущности явлений, позитивистская наука хотя и преуспела в изучении физической стороны окружающего, но оказа-

лась бессильной построить общую теорию, объясняющую мир во всей его полноте.

Выше мы упоминали, что языки математики и логики точны и гармоничны оттого, что отражают точность и гармоничность самого мироздания. То же, казалось бы, должно наблюдаться и с царицей естественных наук физикой, язык которой самым точным образом отражает и описывает законы окружающего мира. Однако предательский ветерок иррациональности, начавший создавать проблемы уже математике и логике, все заметнее веет на просторах естественных наук в виде языка художественных образов и метафор.

«Хотя физики не любят в этом признаваться, продолжая считать себя, в отличие от философов, «строгими учеными», – пишет В. Кутырев, – сами их тексты не выдерживают критики с точки зрения теоретического качества категориального аппарата. Чего только не появилось в пост-позитивистских теориях: никогда не наблюдаемые кварки, из которых состоит «всё», гипотетический вакуум, своего рода физический Бог, из которого выводится «всё», кем-то натянутые струны, составляющие «всё» – но это еще в пределах традиционной логической культуры. Параллельно в многочисленных ... концепциях варили «супы», «бульоны», «клей», рыли «туннели» и «кротовые норы». Понятия стали цветными, четными/нечетными, появились таинственные, всё затягивающие в себя как Харибда, черные дыры, недавно вдруг забытые и сменившиеся темной (= черной?) материей, при случайном

соприкосновении с которой, светлая материя, как о Сциллу, разбивается. Темная материя по определению неопределяемая, но составляет, как определенно подсчитано, $3/4$ (?) от материи как таковой. В довершение всего, как в любом свободном рыночном хозяйстве, в физике разыгралась космически-галактическая «инфляция». Если это не образы и метафоры, не мировоззренческие, иногда прямо сближающиеся с мифологией, а порой и мистикой, конструкции, то, что же такое метафизика? За что ее трети-ровали, начиная с позитивизма? Метафизиками с некоторых пор стали физики, только старая метафизика была осмотрительнее и аналогии брала в природе, а не на кухне. Конечно – это выражение кризиса понятийного аппарата науки из-за несоответствия «размерностей» нашего привычного мира и тех миров, «измерений», с которыми ... она начала иметь дело» (Кутырев, 2012).

Разумеется, в этих словах нет сомнений в возможностях физики как таковой – автор в качестве вывода констатирует, что без нового *«помогающего философского осмысления»* этот кризис не разрешить одними физическими методами или рассуждениями, имитирующими старые схемы. Сам по себе кризис понятийного аппарата науки возник из-за революционных сущностей, еще недавно казавшихся двумя маленькими облачками на чистом небе науки – теории относительности и квантовой механики. Пространство и время стали динамическими величинами, а физический мир потерял прежнюю заданность и определенность. Оказалось, что сама ре-

альность относительна, и зависит от того, как мы с ней взаимодействуем. Прежняя классическая механика оказалась частью фундаментальной квантовой, и поэтому прежнего языка физики стало не хватать. Равно как и открытия в области эпигенетики обнулили механизмы «фундаментального языка биологии», отчего все прежние доказательства теории эволюции стали выглядеть соевой, натянутой на глобус – крайне умозрительными и слабыми. Открывшиеся проблемы геологии заставляют ее все более дрейфовать в сторону отвергнутого ранее катастрофизма. Ситуация во многих естественных науках пришла к тому, что мир в силу новых открытий, действительно, стал лучше описываться языком метафор и жизненных аналогий. В естественных науках все большая роль уделяется творческому подходу, а убедительность доказательств, в числе глубоко рациональных, основана на красоте и эстетике аргументации или объекта. Взглянув на реконструкции облика древних людей, сделанные нашими новаторами из «Антропогенеза», мы сначала увидим эстетическую невозможность существования предлагаемого нам монстра, и только потом начнем замечать допущенные реконструкторами анатомические ошибки. Всё лживое, как правило, некрасиво.

* * *

Технические, или инженерные, науки – это следующая условная группа наук, в которых само понятие «наука» начинает приобретать условный, переходный характер между наукой и искусством. Если шимпанзе или бобры строят себе ночлег или жилье по прошитой в них программе (и никогда не выйдут

за рамки инстинкта в сторону «творчества»), то человек – это субъект, который по собственной свободной и творческой воле переделывает и подстраивает природу под себя в соответствии со своими прихотями и развиваемыми им для этого новыми технологиями. Инженерные решения всегда основаны на знаниях из области фундаментальной науки, но что такое, скажем, архитектура? Это уже настоящая переходная форма, *промежуточное звено* между наукой и искусством, инженерно-математическое решение в сочетании с «застывшей в камне музыкой». Своя красота и философия у пирамид Гизы, своя – у храма Покрова на Нерли, своя – у дворцов Растрелли. Автомобили, воздушные и морские суда, самолеты и космические челноки – все это не просто эргономично и заточено под удобство и комфорт человека, но и по своему дизайну часто являет собой произведение искусства. Например, термин «корабельная архитектура» с самого начала кораблестроения включал в себя математический расчет и искусство форм как нечто единое. Человеку всегда мало было просто создать вокруг себя искусственную жизненную и техническую среду – он со времен пещер старался ее украсить и эстетически улучшить.

* * *

К социальным, или общественным, наукам относятся дисциплины, связанные с развитием и организацией человеческого общества. Если прикладная сущность технических наук основана на строгих проверяемых расчетах, моделировании и экспериментах, то социальные науки, в силу динамичности и неопределенности изучаемых процессов и инсти-

тутов, дают гораздо больший простор для субъективности. Честертон говорит, что если самолет сконструирован плохо, то он поправит своего создателя естественным образом. Чего не скажешь о науках социальных, ошибочный результат в которых плохо выявляем любыми методами, да и само отнесение той или иной дисциплины к социальным наукам варьируется от субъективных задач классификаторов. Например, история, археология, политология, социология, экономика, право – безусловно науки, использующие описательный, статистический, сравнительный и прочие относительно точные методы, однако это дисциплины, зависящие от человеческого фактора, политических нужд или желаний заказчиков. У разных политических систем, скажем, архаичных и демократических, не может быть разной математики, но в них безусловно разные представления об истории, праве и экономике. Как шутили еще во времена СССР – у нашей страны непредсказуемое прошлое. Даже археология, дисциплина, казалось бы, нейтральная, обслуживает не древнюю историю, а идеологию в виде теории эволюции, господствующую сегодня в естественных науках, и, упрощенно говоря, откапывает и признает лишь те черепки, которые кого надо черепкии, игнорируя находки, не вписывающиеся в принятую теорию [11]. В отличие от искусства, история, антропология, политология или социология не создают новые миры, но даже имеющийся (и бывший в прошлом) реальный мир не описывают объективно. И если в предыдущих пакетах наук компонента эстетики и искусства проявляется все более последовательно, то социальные науки на этом пути – какой-то сбой классифи-

кации, как будто здесь некий склад некондиционной продукции, которой не нашлось строгого места на других полках.

К разделу социальных наук, например, относится антропология как универсальная наука о человеке, с его историей, культурой, психологией и языком. Тут же присутствуют политическая, философская, религиозная и другие разделы антропологии. Однако происхождение человека отчего-то выделено в ряд естественных наук (в виде так называемой физической антропологии) и изучается в рамках биологии, включая приматологию. Получается некий парадокс. Тот же Дробышевский, занимающийся по сути недонаукой из раздела социальных, заявляет о своих исследованиях в рамках фундаментальной науки. Так, по его словам, он применяет математические методы при измерении ископаемых костей, выстраивая корреляции и выводя статистически значимые зависимости для различных признаков, что, по его мнению, является научным доказательством происхождения человека от ископаемых обезьян. Эту наглость выдачи «социальных» фантазий за методы строгой науки прокомментировал Алексей Лунный, заметив, что для описательных дисциплин такой подход неадекватен – все эти «статистически значимые зависимости» в палеоантропологии доказательствами не являются, а годятся в лучшем случае для предположений, ибо, в отличие от «настоящих» наук, легко могут быть результатом случайностей, выборочного сбора материала или субъективных предпосылок самого экспериментатора. Наука как таковая подобных «доказательств» просто не примет (А. Лунный, «Соображения после...»). То

есть весь бред *эволюционных палеоантропологов* в том, что происхождение человека в принятой градации наук рассматривается как строгая математико-биологическая дисциплина, а история, культура, психология человека – как дисциплина общественная (описательная и реконструкторская). То, что в нормальной науке не принимается и за что всех этих Дробышевских и Марковых погнали бы специфическими тряпками, в палеоантропологии (и марковской палеонтологии, которая тоже не на своем месте) принимается как «научный факт» уровня фундаментальной науки. Но с какой стати?[12]

Еще один классификационный казус в том, что к социальным наукам у нас в РФ почему-то отнесена философия, которая в системе познания мира сама является над-наукой, некоей всеобщей наукой о самих принципах бытия, применимой ко всему познавательному спектру – от философии науки и культуры до философии чистых эмоций и абстракций. Возможно – это пережиток со времен СССР, когда марксизм-ленинизм считался высшей точкой развития философской мысли в обществе и относился, соответственно, к общественным наукам.

Казус еще и в том, что социальные науки в нашей стране – это всегда поле битвы между разными мировоззрениями, например, материализмом и религией. Беспристрастному человеку трудно ответить однозначно, является ли преподавание религиозных дисциплин в школах и присуждение научных степеней по богословию общественно необходимым, являются ли общественными науками политэкономия и диалектический материализм и обоснованы ли науки о праве и этике хоть чем-то кроме уг-

роз наказания и деклараций, ибо основания для соблюдения нами нравственных норм в обществе ни из каких наук не вытекают. Разумеется, ничто не умаляет значения общественных наук как таковых, но возможность менять выводы в зависимости от воззрений, царящих в обществе, вызывает законное недоверие к самой их способности говорить о социальной жизни человека объективно.

Иными словами, какой социум, такие и науки о социуме. Тем не менее.

* * *

Наконец, мы добрались до наук **гуманитарных**, которые, уже не стесняясь отсутствия цифр и хотя бы сколько-нибудь строгих методов проверки, можно определить как науки о самом человеке, или науки о человеке как субъекте. Это может показаться оксюморонам или парадоксом, но получается, что гуманитарные науки – это **науки о субъективном**. Науки, где субъективную человеческую деятельность изучает сам субъект, в процессе изучения производя вместо чужой субъективности свою собственную. В первую очередь это касается людей, занимающихся теорией искусства. Как правило, никто из искусствоведов не является действующим агентом самого искусства, то есть того, что начинается за их теоретическим порогом. Чтобы стать ученым-физиком, человек должен изучать физику, но изучение теории или истории искусств не сделает человека творцом. Напротив, литературные институты портят поэтов, а педагогические – воспитателей от Бога, поскольку любой талант проявляет себя выходом за рамки теории. Так и выходит, что человек, занимающийся

теорией искусства, не знает, что такое искусство, ибо у искусства нет теории. Этика как дисциплина ничего не стоит, если изучается вне религии. Психология строится на субъективном опыте и собственных комплексах какого-нибудь авторитетного психолога-теоретика, ложные выводы которого ученики и последователи понимают и трактуют еще более ложно. А эстетике нельзя обучить потому, что ей нельзя обучить.

Разумеется, гуманитарные науки – уже не науки в обычном понимании, по крайней мере, с точки зрения эмпирики позитивизма. Мартин Хайдеггер считал, что изучение и критика источников в гуманитарных науках соответствует опытному исследованию природы в естественных науках. Возможно, это так, хотя Хайдеггер, скорее, просто желал накинуть фрак научной объективности на гуманитарные науки. Сбор материала, упорядочение, классификация, выявление закономерностей – все это свойственно и науке, и бытовому, жизненному опыту; так сказать, и грибку в лесу, и менеджеру продуктового магазина, и таковые методы даже используются – вот неожиданность – при создании произведений искусства.

Гуманитарные науки, по сути, вообще не имеют каких-либо четких практических методов и инструментов для изучения своих «гуманитарных объектов», есть лишь какие-то общие правила и приемы. Так, например, при изучении древнерусских текстов лингвисты используют правило, которые сами именуют «законом» (т.н. закон Ваккернагеля), согласно которому слабо- и безударные слова примыкали к словам под ударением и занимали второе место в предложении, либо, если их (именуемых эклитика-

ми) было более одного, то они располагались согласно условным рангам («*Луце жъ*» (энклитика 1-го ранга) *бы* (5-го ранга) *потяту бытии*», «*Начати же*» (1-го ранга) *ся* (7-го ранга) *тѣй пѣсни*» и т. д.). Считается, что это правило строго действовало в древнерусской живой разговорной речи XI–XIII веков (знание о *разговорной речи* основано, согласно работам академика Зализняка, на текстах берестяных новгородских грамот), в литературных же источниках это правило нарушалось под влиянием церковнославянского языка. Кроме того, после XIII века оно стало постепенно размываться и исчезло к XVIII веку. Таким образом, сегодняшние лингвисты, исследуя древнерусские тексты, где «закон Ваккернагеля» выполняется нестрого, могут выбирать из четырех вариантов – либо текст подделка, либо автор плохо владел разговорной речью, либо старался соблюдать церковнославянскую норму, либо текстовой источник, датируемый в диапазоне XI–XIII веков, датирован неправильно и является более поздним. Добавим сюда, что само представление о живой разговорной речи, взятой не из смартфона путешественника во времени, а из текстов, написанных на бересте, вызывает некоторое недоумение. (ибо между устной речью и изложением своей мысли в записи разница все же существует). Вопрос – можно ли такой инструмент исследования назвать хотя бы надежным? То ли встретит блондинка динозавра, то ли нет. Подлинность «Слова о полку Игореве» несомненна, но аргумент Зализняка о подлинности «Слова...» на основании именно строгого соблюдения в нем «закона Ваккернагеля» не является научным в строгом смысле этого слова, поскольку и сам

«закон», и приближенность литературного текста к разговорной речи являются лишь косвенными аналитическими маркерами. Еще раз – нет сомнения в подлинности «Слова...», но окажись оно, сугубо теоретически, более поздней качественной стилизацией под «живую разговорную речь» на основе не дошедших до нас документов, то у нас просто не существует строго научных инструментов и методов, чтобы однозначно подтвердить или опровергнуть подлинность текста. Каковая подлинность улавливается скорее интуитивно, чем доказывается «научно».

Проблема современного гуманитарного знания, однако, совсем в другом.

Если перекосы в социальных науках у нас связаны с политической компонентой, то гуманитарные науки испытывают кризис идентичности еще и по названной выше причине тотального господства в обществе идеологии «научной картины мира» и общего постмодернистского упрощенчества, которое справедливее назвать деградацией. Текстуально-историческая сущность гуманитариев определяет им тяжкую долю копаться в прошлом, тогда как весь современный и типа цивилизованный мир видит опору в науке и современных технологиях. В нашем обществе определение «гуманитарий» в неформальном общении носит всегда негативную и даже презрительную окраску, а гуманитарии вместе с верующими всегда находятся на самом острие критики наукопатов. Однако Михаил Эпштейн идет дальше:

«Те, кто работает в гуманитарных профессиях, должны хотя бы частично взять на себя ответственность за этот кризис. Сейчас принято

возлагать вину на внешние обстоятельства: рынок труда, экономику, алчность корпораций, отсутствие интереса у правительства, потребительство в массовом обществе, чрезмерное увлечение новыми технологиями, погоню университетской администрации за прибылью и т.д. Но ... не потому ли в XXI веке общество отворачивается от гуманитарных наук, что в XX, особенно в его второй половине, они сами отвернулись от своего предмета – человека, переключившись на изучение текстов, впав в интеллектуальный аутизм и утратив интерес к людям как существам духовным и творческим? ... Все литературное сводится к чистой литературности, а сама литературность – к текстуальности. Нет ни метафизики, ни биографии, ни психологии, ни живых людей...

Гуманистика стала текстологией и перестала быть человековедением» (М. Эпштейн, 2016).

Действительно, гуманитарные науки вместо познания человека занялись в итоге познанием способов познания человека, изучением текстовых посредников между исследователем и... человеком. В этом смысле «виноваты все», и внешние ветра, и внутренняя сырость. Что, разумеется, не отменяет значимости самих гуманитарных наук.

* * *

Итак, к сугубо научным инструментам познания нашего мира можно отнести фундаментальные и естественные науки с включением технических (создание искусственной природы как следствие изуче-

ния естественной), а также философию науки, как возможность науки смотреть на саму себя в зеркало. Человеческое общество и самого человека изучают гуманитарные дисциплины, с поправкой на субъективные и динамические тенденции современности.

Что же дальше?

А дальше кончается познание мира с помощью науки.

3.

В нашем сознании существует стереотип о двух антагонистических типах мышления в их крайнем, самом радикальном проявлении – в виде некоего сумасшедшего математика с одной стороны и гуманитария, пребывающего в каких-то иных воздушных мирах, с другой. У первого, как радикального рационала, полностью отсутствует восприятие метафор и обобщений. Если ему сказать, что осенью листья желтеют, он возразит – неправильно, не все желтеют, некоторые краснеют, утверждение не может быть истинным, если существуют опровергающие его примеры. Сука, зануда, хер тебе, а не осень золотая! А тот, который гуманитарий, тот весь дерганый, с моментально меняющимися эмоциональными реакциями. Если сказать ему: «Пицца – это круговая диаграмма, показывающая, сколько у вас осталось пиццы», он начнет едва ли не топтать ногами: «Я не понимаю, о чем вы говорите, и не хочу понимать!» Сказанное ему не складывается в метафору и ставит его в тупик, ибо он не мыслит категориями частей, составляющих или уменьшающих целое. Он мысленно видит образ пиццы как пиццу с

ветчиной и грибами, подернутую мягкой пленочкой сыра, и пиццу как образ Италии, папу римского на балконе, приветствующего толпу пиццей, и даже плоскую землю в виде парящей в космосе пиццы, но не видит ее как диаграмму.

Разумеется, эта картинка немного гиперболизирована, но в ней я хотел бы обратить внимание не только на крайности, но и на симметрию.

Сама по себе симметрия является фундаментальным свойством мироздания и проявляется на всех физических уровнях – от элементарных частиц до Вселенной в целом. В силу своей фундаментальности симметрия – это категория и науки, и искусства, то есть, как и в приведенном выше примере с сумасшедшими антагонистами, науку и искусство можно рассматривать как две симметричные противоположности. Сциентисты вроде Соколова или Дробышевского, находясь в своей привычной микробной среде, искренне полагают, что в нашем мире ее святейшестве науке противостоит некая лженаука, а также нечто, к науке не относящееся и потому не заслуживающее внимания. Однако эти люди глупцы, потому что условная симметрия выглядит иначе – как некая шкала методов или приемов познания мира, которая на одной стороне начинается (точнее, представлена) наукой, а на другой оказывается искусством. Или, если соблюсти историческую последовательность – шкала познания, которая начинается с искусства и заканчивается наукой. Это как некое здание, где в одном боковом флигеле математик или физик открывают законы физического мира, записывая их вариации в уравнениях и формулах, а в противоположной части здания художник

или музыкант исследуют, условно говоря, «закономерности метафизического мира», записывая их вариации в виде произведений искусства. Фундаментом этого здания является философия, позволяющая поддержать и осознать себя любому виду человеческой деятельности.

Сциентисты против подобной метафоры, скорее всего, особо возражать бы не стали – возможно, дежурно скривились бы по поводу значения философии для науки (перефразируя тетку из старого мема: «Нам этот ваш Деннет нах... не нужен»), или, как Дробышевский, предложили бы отправить всех философов на сельхозработы в деревню, прочистить мозги, но в целом, да, все закономерно – наука и эти ваши иррациональные штучки совершенные антиподы и находятся по разные стороны познавательных сущностей.

4.

Мы уже говорили, что научный метод не позволяет видеть окружающий мир во всем объеме его проявлений, что под полнотой научных знаний о мире подразумевается лишь его материальная часть – все то, что, условно говоря, можно пощупать руками, увидеть глазами или измерить линейкой.

Вспомним и то, что сама по себе «научность» не есть некий абсолют – она как бы «размазана» по разным дисциплинам с разной степенью «плотности», и в зависимости от степени применения научного метода составляет некий градиент «научности» – от железобетонной математики и физики (точное знание) до условной «науки» истории (более-менее достоверная реконструкция на основании

артефактов и документов), не говоря уже о каком-нибудь литературоведении.

Между тем даже «железные» науки ограничены не только в плане умения ухватить мир во всем его объеме, а **в силу свойств самого мира**. Чем более научное познание продвигается вперед, тем более открывается непостижимость окружающего – и не просто открывается его возрастающая сложность, а как будто мироздание все более уклоняется от изучения методами науки и требует привлечения каких-то новых методов и подходов. Объяснения новых процессов становятся сложнее самих процессов.

Курт Гёдель почти 70 лет назад использовал математику, чтобы показать ограниченность ее собственных возможностей. Он опроверг утверждение Гилберта о существовании полной теории математики, то есть совокупности принципов, из которых можно вывести все математические положения. Грегори Чейтин, один из современных разработчиков теории алгоритмической информации, говорит, что Гёдель открыл только верхушку айсберга, поскольку существует бесконечное множество верных математических теорем, которые невозможно доказать, исходя из конечной системы аксиом. Сегодня мы даже не знаем, насколько серьезна так называемая неполнота Гёделя, и не следует ли из-за нее пересмотреть математические методы (Г. Чейтин, «Пределы...»).

Радикальные изменения в науку принесла и теория относительности Эйнштейна, которая, согласно Стивену Хокингу, *«освободила нас от абсолютного времени. ... Пространство и время теперь динамические величины. ... Пространство и время не*

только влияют на все, что происходит во Вселенной, но и сами изменяются под влиянием всего в ней происходящего» (Хокинг, 2015).

Не менее волшебным образом дела обстоят и с квантовой физикой. В недавнем прошлом в науке господствовала идея всеобщего детерминизма (предопределенности). По сути, целая Вселенная, описываемая классической механикой, представлялась механистически запрограммированной на все будущие изменения и состояния. Считалось, что при наличии достаточной информации можно было в принципе рассчитать движение каждого атома во Вселенной и предсказать любые ее будущие события с абсолютной точностью. Этот фатализм бил в первую очередь по религиозной идее свободной воли человека, не оставляя ему место для какого-либо собственного выбора и снимая ответственность за любые поступки, ибо без свободы нет и ответственности («Не виноватый я, детерминизм сам ко мне пришел!»). Однако с появлением квантовой механики идея физической предопределенности мира рухнула и началась эпоха квантовой неопределенности. Все мы – и стар, и млад, мужчины и женщины, умные и сциентисты – состоим из протонов, нейтронов, электронов и являемся частью квантовой Вселенной, где не только человек, но и каждая квантовая частица имеет реальный выбор между вариантами своего поведения. Артур Эддингтон, ученый, подтвердивший теорию относительности Эйнштейна на практике, сказал по этому поводу, что «после 1927 года религия стала возможна». Сегодня профессора Принстонского университета Конвей и Коэн доказали так называемую теорему свободной

воли (Free Will Theorem), гласящую, что если экспериментатор обладает свободой выбора при измерении квантовых характеристик частицы, то *«ответ частицы не будет определяться всей предыдущей историей Вселенной»*, то есть будет свободным и непредсказуемым (Conway, 2006; 2009). Выдающийся немецкий физик Паскуаль Йордан заметил, что в квантовой механике мы, конечно, можем вычислять вероятности, но мы их не понимаем.

То же касается и открытий в области генетики. Только-только ученые, казалось бы, утвердились в мысли, что фенотипические изменения (изменения внешнего облика) животных закодированы в ДНК, только-только, казалось бы, нащупали гены, ответственные за функционал того или иного признака, как – на тебе – посыпалась вся перспективная вавилонская башня ген-центризма. Гены сами оказались объектами непредсказуемого воздействия внегенетических механизмов. Прощай, «новая» дарвиновская теория эволюции, ибо ДНК, мутируй она хоть миллионы лет, не даст никаких новых признаков, поскольку информации о фенотипе в ДНК просто нет. Можно не сомневаться, что по мере изучения эпигенетических кодов выяснится, что на результат их работы так же влияет присутствие наблюдателя – при этом уже сейчас понятно, что эпигенетические изменения фенотипа животных не случайны, а изначально запрограммированы в качестве адаптационного механизма к разным средам.

Еще раз – с каждым новым открытием мироздание как будто все больше выходит из-под контроля исследователя и ведет себя вопреки его ожиданиям. **Мир выходит из-под контроля научного по-**

знания. Царица наук математика демонстрирует свою неполноту и противоречия. Язык физики дрейфует к литературным метафорам, а сами физики оказываются в роли зрителей, присутствие которых влияет на игру актеров. Дарвиновские редуccionисты вроде Маркова уже давно выглядят откровенными реакционерами. Логика – без привлечения интуиции и контекста реальности – сталкивается с неизбежными ограничениями, не говоря уже о том, что просто неспособна своими средствами говорить о человеческих чувствах и таких понятиях, как красота, совесть, подвиг и др. Действительно (см. вышеприведенную цитату В. Кутырева), среди размеренностей прежнего привычного мира **наука все более перестает соответствовать тем новым мирам и измерениям, с которыми она совсем недавно начала иметь дело.**

Раньше мы думали, что слова Честертона относятся к художественному и философскому постижению окружающего, но теперь понимаем их применимость к любому познанию, включая научное:

«Во всем на свете что-то чуть-чуть неточно. ... Глубоко и ясно видит тот, кто может предугадать эту потаенную неправильность» (Г.Честертон, «Ортодоксия»).

Для современной эмпирической науки проблема очевидна – наука в принципе не работает с неправильностями, с тем, что случайно и непредсказуемо. С одной стороны она декларирует абсолютную строгость рамок, формальность знания, с другой – сталкивается с тем, с чем столкнулось искусство еще на

заре своего существования. А именно с многовариантной картиной мира, с субъективной реальностью, с тем, что у одного предмета не может быть одного единственного описания. Мир оказывается настолько сложным, что не дает возможности такого конечного, объективного, формального описания, не зависящего от наблюдателя. Случайность присутствует в нашей вселенной на фундаментальном уровне и, похоже, до скончания времен будет лишь в ведении Бога, а не ученого.

Так кто же поможет науке предугадать эти неточности и потаенные неправильности? К кому обращаться за помощью? К проклятым иррациональным сущностям, которые находятся на противоположной стороне условной шкалы познания? К искусству, с которым наука наиболее разведена по разным углам?

Однако давайте посмотрим, насколько наука и искусство являются антагонистами.

Возьмем как пример, самую «призрачную» из областей искусства – музыку. Казалось бы, математика и музыка являют собой два противоположных полюса человеческой деятельности – однозначность математического решения против расплывчатой «чувственности», однако эти антиподы суть близнецы-братья (точнее, сестры), поскольку гармония, порядок и все соразмерности музыки выражены в ней сугубо математически. Любое музыкальное произведение можно представить как математическую модель, имеющую строгие числовые закономерности, и напротив – любой числовой ряд можно переложить на музыку и услышать, собственно, музыку этого ряда. Многие музыкальные произведе-

ния опираются на математические принципы – золотое сечение, симметрию, «магический квадрат» Веберна. В средние века музыка прямо относилась к сфере математических знаний и входила в состав «семи свободных искусств», делившихся на «тривиум» (грамматика, риторика, логика) и «квадривиум» (арифметика, геометрия, астрономия, музыка). Известно также вполне объяснимое пристрастие многих знаменитых математиков и физиков к музыке. Лейбниц считал, что музыка есть математический язык души, не знающей чисел. То же мнение разделяли и музыканты. Выдающийся швейцарский дирижер Эрнест Ансерме, сам начинавший как математик, говорил, что *«между музыкой и математикой существует безусловный параллелизм. И та, и другая представляют собой действие в воображении, освобождающее нас от случайностей практической жизни»* (Э. Ансерме, «Беседы о музыке»). Это достаточно сильное утверждение, подразумевающее, что музыкальное высказывание столь же непреложно и неслучайно, как и математическое. А по словам одного из лучших музыкантов мира Генриха Нейгауза, все интеллектуальные достижения человечества располагаются именно между музыкой и математикой – то есть в той или иной мере имеют отношение к ним обеим, или, в рамках нашего сравнения, составляют некий градиент между ними.

В принципе, вся интеллектуальная деятельность человеческого общества определяется как **культура**, в которой наука является не божеством, не мерой всего, а лишь частью этой культуры, наряду с искусством, философией и религией. В широком

смысле каждый ученый, как бы он ни абсолютизировал науку, является **работником культуры** (!), частью общего цивилизационного процесса.

Поскольку в культурной деятельности человечества наука появилась не сразу (и до сих пор существуют первобытные сообщества, обходящиеся без науки), то базовым, изначальным мышлением человека было мышление аналитически-творческое. То есть жизнь в физическом мире заставляла наших древних предшественников систематизировать и делать более рациональным любой свой опыт, а интуиция подсказывала не только наилучшие пути оптимизации бытовых действий, но и соответствующие формы осмысления и оформления своего духовного опыта – раздумий о смысле вещей, сути окружающего мира и своем месте в нем. Древний человек интеллектуально был гораздо сложнее и богаче какого-нибудь сегодняшнего Дробышевского или братьев Соколовых, поскольку осмысление физического мира у него покоилось на представлениях о его объемности и невозможности гармоничного существования без «вещей призрачного происхождения» – то есть без осмысленности мира, его красоты и единстве в нем физического и духовного.

Если кто-то захочет мне возразить на это и потребует «научности», то вот она, научность – современные нейро- и поведенческие исследования опровергают стереотип о разделенности аналитического и творческого мышления и показывают, что они не просто свойственны любому творческому процессу, но без них невозможно достижение нового результата (Sun, 2012; Thaler, 2016; Boot et al., 2017).

Если говорить о сходстве «производства» у учено-

го и художника, то в основе любого творческого процесса лежат интуиция, прозрение (творческое озарение) и рационализация решения. Ни один художник, ни один математик не начинают свой путь вслепую и напролом – можно до бесконечности перебирать рандомные варианты решения творческой задачи, но **интуиция** сразу сокращает путь, указывая верное направление или сразу указывает нужную дверь из множества. При этом многими современными исследователями роль интуиции не понята – она рассматривается как некая производная от накопленного опыта, позволяющего сразу отбрасывать неверные варианты и совершать скачкообразные прыжки к правильному решению. Между тем многие интуитивные предвидения невозможно объяснить лишь накопленным опытом и «житейской мудростью», ибо последние не всегда обязательны. **Озарение** же, как найденный ответ на загадку или поставленную задачу, никогда не бывает банальным, это всегда некий качественный скачок, прорыв, прозрение слепого, это пелена, внезапно упавшая с глаз («вдруг стало видно далеко во все концы света») – и, что поразительно, это прозрение всегда сопровождается ощущением подсказки со стороны, получением ответа, превышающего твои собственные возможности, это всегда хоть чуть-чуть нечто, что выше тебя самого, и впоследствии вызывает удивление – неужели это написал или решил я? Что же касается «оформления» полученного ответа, то здесь наукопоклонники пусть прикусят губу – художник, как и математик, структурирует свое «решение» на тех же **рациональных основаниях**; он не просто «слышит музыку сфер», ему нужно еще

оптимизировать, придать математическую размеренность своему произведению. Сказанное выше о музыке в огромной степени относится и к другим видам искусства – к поэзии, прозе, живописи, скульптуре, танцу и пр. Сделать их не просто внутренне непротиворечивыми по смыслу (даже танец), но и безотносительно к тому, что математики называют «своей» математикой, привести свое произведение к тем же, условно говоря, божественным законам, лежащим в основании нашего миротворения, которые постигают и сами «наши» математики, изобретая для выражения этих законов свои символы и знаки.

Как музыка состоит из математики, так и стихи ритмизированы стопами и строфами, а угадывание ответной рифмы само напоминает процесс озарения. Даже проза, по словам Пастернака, это «поэзия в действии», это не современная трэш-макулатура, состоящая из рваных и случайных диалогов, а развернутое поэтическое высказывание, неотделимое от ритмики. Балет – это не «танец под музыку», это язык тела, своеобразный рисунок телом, ритмически размеренный. Балетный люд говорил мне по секрету, что во время танца они могут петь про себя другую мелодию, поскольку рисунок их движений задан сугубо математически. Магия классического танца рождается не из сочетания движений с музыкой, а из чего-то **неслучайного** и проявляющего себя вне, поверх хореографических движений. Ритм и математические соотношения свойственны и живописцу, и скульптору, и любому «визуализатору» – и Питеру Брейгелю, и Андрею Тарковскому. Ученые давно говорят, что происхождение искусства им не-

понятно ровно в той же степени, как происхождение жизни (Bradley & Thaxton, 1992), однако им для начала нужно уяснить, почему математические закономерности содержатся уже в наскальных рисунках пещер Ласко и Альтамиры. Люди палеолита имели представления не только о современных принципах художественной композиции, не только создавали реалистичные изображения животных и геометрические рисунки, но и использовали принцип мультипликации (Azema & Rivere. 2012).

У математика нарушение правила говорит об ошибочности этого правила, а художник любое нарушение рациональности способен превратить в достоинство и одновременно указание на неизбежность этого правила. *«Я вспомнил, по какому поводу слегка увлажнена подушка»*, – это прямая отсылка к канцеляризму «Девочка, по какому вопросу плачешь?», но тут же канцеляризм оказывается прощальной грустной иронией – *«Мне снилось, что ко мне на проводы шли по лесу вы друг за дружкой»*. Неточности и искажения, о которых говорил Честертон, художник заставляет работать на себя; все случайное и неустранимое делает определенным и внятным, только на своем месте как будто бы всегда и стоявшим – внезапная асимметрия рисунка, ассонанс в музыке, аритмия в стихе становятся тем, что в науке называется точкой бифуркации; эти аномалии у художника порождают новые взрывные смыслы и линии развития сюжета. То же касается и «Черного квадрата» Малевича. Это не искусство в его сущностном смысле, а демонстрация **исключения**, должного показать существование правила, то есть искусства как такового; это концептуальное вы-

сказывание художника – вот, на этом месте обязано находиться произведение, которого здесь сейчас нет. У Малевича были и черный круг, и черный крест, но привлек вековое внимание и вызвал вековые проклятия только черный квадрат, потому, что квадрат – это поле художника, геометрия картины. Мне кажется, что если показать «Черный квадрат» древнему шумеру или даже неандертальцу, то даже они *заподозрили бы какую-то идею*, поскольку геометрия свидетельствует об осмысленности любого высказывания.

Таким образом, если «наука начинается там, где есть цифры», то мы можем утверждать, что там же начинается (и на том же стоит) и искусство – на симметрии, тональных рядах, размеренностях, соотношениях частей, метриках и цифрах. Теоретики науки настаивают на каких-то особых принципах и методах научного мышления, но вряд ли мышление ученого столь оригинально, что те же методы неспособен использовать и художник.

Ученый применяет **анализ** и **синтез** для расчленения изучаемого объекта на отдельные элементы или соединяет части в целое – то же делает и любой художник, детализируя отдельные сюжетные линии или характеры, прослеживая их связи и роль в системе целого, либо сводя отдельные линии и детали воедино. То же касается и **моделирования** – ученый изучает явления и объекты через построение и исследование их моделей, а художник для создания произведений использует их наблюдаемые прототипы. При этом, поскольку ученый имеет дело со структурированным материальным миром, а художник с сущностным и неструктурированным, задача

художника сложнее и объемнее – его «методы мышления» всегда варьируются, накладываются один на другой и дополняют друг друга. **Абстрагирование, идеализация, обобщение** – все это методы мышления, универсальные и для ученого, и для художника. Символов и знаков в природе не существует, поэтому ученый берет два яблока, кладет рядом еще два и записывает событие в виде $2+2=4$, то есть мысленно конструирует символические понятия о явлениях и объектах, не существующие в реальном мире, но имеющие в нем прообразы. Ровно так же художник создает героя, своего рода идеализированную модель, с помощью которой говорит о реальном мире. Ученый использует метод **аналогий**, когда по сходству объектов и явлений по одним признакам делаются выводы об их сходстве по другим признакам. Однако художнику тут нет равных. У Пушкина Дон Гуан, столкнувшись в темноте с незнакомкой, Доной Анной и не успев ее разглядеть, говорит слуге, что лишь «узенькую пятку я заметил», на что Лепорелло отвечает:

«Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у вас проворней живописца,
Вам все равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли».

Аналогии в искусстве – это еще и все ассоциации, сравнения, метафоры. Ирония в том, что условный Дон Гуан, создавая в своем воображении образ Доны Анны по одной «узенькой пятке», все же имеет возможность впоследствии проверить свои догадки, а науки, та же палеоантропология, часто действуют по

принципу принятия, так сказать, первых и окончательных предположений Дон Гуана. «Лишь обезьянью кость я обнаружил». – «Неважно, ведь у вас воображение вмиг дорисует тело человека, и в целом – эволюции картину». Забавно, что такие науки претендуют на математическую доказанность своих утверждений, на получение данных строгим научным методом, а в реальности все построено на принципах искусства. Точнее (не будем обижать искусство), на наблюдениях за пяткой Доны Анны. Впрочем, сцену с пяткой, когда Дон Гуан рисует неизвестную целую картину по небольшой известной детали, можно отнести и к проявлению художественной **индукции**, равно как и чувства доктора Живаго, разбирающего вещи Лары после ее внезапного отъезда: *«И наколовшись об шитьё, с невынутой иголкой, внезапно видит всю её, и плачет втихомолку»*. И гуру индукций Шерлок Холмс в том же ключе формулирует одну из заповедей художника: *«Всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, и природу её мы можем познать по одному звену»*.

И если индукция у художника – это авторское «наведение» героя или читателя на общий вывод или впечатление, то создание автором **дедуктивного** дискурса (в науке дедукция – это выведение частных положений из общих) состоит в том, что из целого мира авторских обобщений, положений, событий и характеров каждый читатель «выводит» и узнает свой собственный частный случай, сугубо личную ситуацию.

Иными словами, в методах мышления ученого и художника нет какой-то принципиальной разницы. Они живут не на разных планетах. Они оба интуитив-

но нащупывают верный путь решения задачи, строго блюдут логику и причинно-следственные связи, а осознание единственной правильности решения к ним приходит скачкообразно, как вспышка. Любое произведение искусства структурировано рационально, на математических основаниях, а научная мысль, через «зачеркивание» неверных вариантов и внезапные догадки, движется по законам искусства.

5.

Между тем в искусстве – мало просто отыскать элементы его научной организации или сходство его проявлений с научными. Не это является нашей задачей. Искусство как таковое, абсолютно безотносительно к науке, выступает как самостоятельное и мощное средство изучения и понимания мира. Мы все так же не упускаем из виду, что наука описывает сугубо материальный мир, а искусство эмоциональный, иррациональный. Наука пытается формализовать законы природы уже существующие, а искусство говорит о смысле и сути; кто мы, какова цель нашего пребывания в этом мире, нуждается ли в нас Вселенная, или – «вы кто такие, я вас не звал, идите...» и проч. Если задача ученых – постичь и выразить в изобретенных ими знаках вселенское единство, размеренность и взаимная соотнесенность всех частей нашего мира, то задача художника сложнее – не просто выразить свое видение мира логически, философски, эстетично в художественном плане и математически строго в структурном, но и позволить читателю **выглянуть за пределы нашего физического мира**. «Я вижу некий свет». «Далекий отголосок хора мне слышать иногда дано».

Наука – это одномерность. Искусство – сложное, запутанное, объемное существование в многомерном мире. Наука – это непогрешимость единого священного текста масоретов. Искусство – священный текст Септуагинты, неоднозначный, спорный, во многих вариациях и толкованиях. Наука – это Европа от эпохи Просвещения до наших дней. Искусство – Россия в состоянии свободы, часто воображаемом. Наука – это манекен, модель и схема человека. Искусство – живое человеческое дыхание, сердцебиение, чувство и мысль.

Артур Кларк сказал, что продвинутые технологии почти не отличаются от магии. Наука, действительно, без всяких бубнов и заклинаний, предсказывает нам, скажем, погоду на неделю вперед с точностью до градуса. Но любое «продвинутое» искусство само является магией – в здравом, не оккультном смысле этого слова. Несмотря на то, что у каждого человека есть свободная воля и ни одного человека нельзя «формализовать», искусство точно предсказывает человека как такового даже на сто лет вперед. Каждый человек непредсказуем, как квант, но о сущности человека как Божьего феномена искусство скажет точно. Все, что футуристы говорят о человеке будущего – байки. Человек всегда был таким, как сейчас, начиная с Адама, и еще через тысячу лет не поменяется. Нарушив заповедь не трогать запретный плод, уже первый человек Адам не берет вину на себя, не раскаивается, а в точном соответствии с сегодняшним, всем нам знакомым психотипом, **ищет виноватых на стороне**, Но это нам сейчас, что называется, легко, а на кого же кивать Адаму, когда на всем белом свете, кроме него, лишь Ева да Бог? Но нет,

выход найден: *«Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева»*, поэтому я, мол, и нарушил (См. Быт. 3:12). Так сказать, задействованы все. С тех пор «ветхого» человека не изменили ни новые технологии, ни обмен любой информацией. Но и о новом человеке искусство скажет не менее точно.

Задача и науки, и искусства – зафиксировать или наиболее точно сформулировать представления о нашем мире, устранить неопределенность, разрушающие случайности, неприятные сюрпризы – иными словами, прояснить и назначить каждому предмету, каждой сущности их истинные места в этом мире. Мы как бы «приручаем» любой предмет, классифицируя его по его месту в мире и давая ему точное определение. Когда Дробышевский, вертя в руках обезьяний череп, говорит, что предком человека является австралопитек, то он выдает желаемое за действительное и не проясняет картину мира, а искажает ее. Напротив, выводя формулу $E=mc^2$, ученый устраняет неопределенность и случайность мира, в котором мы живем, как бы фиксирует этой формулой неизменные его свойства. В искусстве, по причине отсутствия жесткого метода, конечно, в разы больше шлака, выдающего себя за искусство. Когда Тютчев пишет:

«Они гласят во все концы:
Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!» –

То это абсолютный рандом, случайный набор слов на уровне свадебного тоста, нацарапанного за пять минут на коленке. Почему это вошло в школь-

ные учебники – тайна сия великая есть. Когда же Пушкин пишет: *«Морозной пылью серебрится его бровь воронник»*, мы видим картину целиком, этот зимний вечер, падающий снег в свете фонаря, мерцающие искорки на вороннике. Здесь каждое слово на своем месте. Мало того, искусство помогает идентифицировать нам нашу сегодняшнюю реальность – всякий раз, попадая в ту или иную ситуацию, мы цитируем чьи-то поэтические строки как некую формулу, точно описывающую нынешнее наше состояние. Так же и хоральная прелюдия Баха фа минор, или «Yesterday» битлов – все это как некая, хоть и локальная, но окончательная и неизменная формула «о жизни», об определенной ситуации, где каждый звук на своем месте, и любой из них не заменишь на другой.

Любопытно, что «просто» ошибки, совершенные классиками, не становятся привычными, не воспринимаются прерогативой гения и не перестают быть ошибками. В одном из лучших своих стихотворений Лермонтов говорит:

«Тучки небесные, вечные странники,
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого Севера в сторону южную».

Здесь третья строфа не «гениальный уход от правил», не архаизм, но явная небрежность и поспешность выражения – то, что гений отчего-то не счел нужным доделать, впихнул какое-то «же» для размера. «Будто как я же». Мама, мама, ooh. Но уже, что называется, не вырубишь топором. Мы имеем точнейшее *определение* от Лермонтова, хоть и с не-

большой каверной. Искусство не диверсифицирует представления о мире, не распыляет его на миллионы вариаций, как утверждают рационалы. Наука фиксирует законы мира в его неизменности, искусство же ищет общие точки соприкосновения для всего разрозненного и нестыкуемого, фиксируя в единственном возможном выражении вещи неуловимые. Искусство говорит о самой сути нашей жизни во всей ее глубине, о чем никогда не расскажет наука. Научное знание всегда неполно, а искусство уже знает все ответы о нематериальном мире. Но откуда? Об этом чуть ниже.

6.

Дурная традиция, корни которой лежат еще в советской материалистической педагогике, сослужила плохую службу нашему образованию и миропониманию и до сих пор еще утверждает некую вторичную, вспомогательную роль искусства перед наукой как *«художественного способа познания действительности»*, познающего *«объективную действительность в ее эстетическом разнообразии»* (Ванслов, 1957). То есть действительность объективна и объективно познаваема наукой, а искусство способно лишь украсить ее различными кружевами и рюшами. Но Снаут в «Солярисе» говорит, что мы обманываем себя, стремясь завоевать дальние миры – ведь человеку нужен не космос, человеку нужен человек. Ровно так же, согласно классику литературоведения, задача искусства – *«открывать человека в человеке»* (Лихачев, 2017). Советская же педагогическая установка десятилетиями гласила, что весь мир, от простого камня до человеческой мысли, есть

следствие взаимодействия материи, а искусство признано не познавать и не говорить о сущности этого мира и этических проблемах человека, а едва ли не обслуживать досуг настоящих тружеников – а ну-ка, скажите нам об этом мире «красиво» и витиевато, как это там у вас водится, *«в эстетическом разнообразии»*. Столь же мракобесны понятия об искусстве и у нынешних сциентистов, с гордостью сидящих на коротком поводке науки (но чаще имитирующих такое сидение).

Антон Павлович Чехов (по мировоззрению, кстати, атеист) пишет:

«Для тех, кого томит научный метод, кому бог дал редкий талант научно мыслить, по моему мнению, есть единственный выход – философия творчества. Можно собрать в кучу все лучшее, созданное художниками во все века, и, пользуясь научным методом, уловить то общее, что делает их похожими друг на друга и что обуславливает их ценность. **Это общее и будет законом.** У произведений, которые зовутся бессмертными, общего очень много; если из каждого из них выкинуть это общее, то произведение утерять свою цену и прелесть» (А. Чехов, «Письмо...»).

Но что это за «законы»? Что обуславливает ценность всех великих произведений искусства? Если во всех текстах, ставших бессмертными, мы вычленим ту самую сердцевину, то окажется, что это не описание обеда Дон Кихота у Сервантеса и не разговор, открывающий «Войну и мир» у Толстого, а нечто, всегда связанное с глубинной сущностью человека – его любовью, страданиями, свободной волей

и необходимостью сделать сложный нравственный выбор. У них нет рационального обоснования в окружающем физическом мире, поэтому поиски этого обоснования всякое истинное произведение искусства черпает, видит или просто подразумевает в иных пространствах, за границей доступного нам физического восприятия и понимания. И если следовать «научному» совету доктора Чехова, то оказывается, что искусство – это отражение самых сокровенных поисков человека, уже выраженных в религиозных текстах – по сути, все искусство есть вариации на тему единственного неизменного Закона, данного в религиозном Откровении.

Искусство – это поиски и выражение в человеке того, что составляет саму его человеческую сущность, за которой всегда проглядывает, конечно, нечто Божье. Искусство никогда не прагматично, удовольствие и наслаждение людям определенного уровня дарят попса под водочку и спортивные азартные игрища. Настоящая же музыка как бы пытается дотянуться то тех сфер, где поют ангелы; пытается постичь тот строй и те звуки. Иконы Рублева, желая выйти за пределы физического мира, ломают его перспективу и пропорции, иконописец рисует не красками, а светом и его отражениями. Есть отличные тексты, когда нам не нужна машина времени – мы можем переместиться в прошлое, раствориться и жить в нем, однако это не цель искусства. Самыми впечатляющими, «непрактичными», даже пугающими, являются литературные тексты, из которых мы узнаем, насколько сложен, испорчен и глубоко чужд нам этот мир, но в нем всегда есть нечто, что дает надежду «все распавшиеся связи сцепить хотя

бы на мгновенье». Любое искусство, каким бы мрачным и драматичным оно ни было, не может не прийти к выводу, *естественному по самой его истинности и по его истинности* заимствованному у религии – как бы плохо нам ни было, в итоге все уладится, все зло будет отмщено и все слезы отерты. Пусть герой умирает или погибает еще в этом мире, но никогда художник не оставит нас без надежды, ибо в противном случае само «уравнение искусства» оказывается бессмысленным. **Всякое настоящее искусство по своей сути религиозно.** В частности, практически вся русская литература. И это относится даже к людям, считавших себя неверующими, например, к тому же Чехову, который чувствовал, что смысл этого мира находится за его пределами.

Здесь хочу еще раз специально подчеркнуть, что условный «закон Чехова», или вполне себе безусловный **закон искусства**, состоит не в том, насколько искусство соотносит себя с религиозными идеями. Напротив, любое морализаторство, как у Толстого, или намеренный акцент на религиозной самоидентификации типа «мы христианские художники, пишем только христианские сюжеты» способны лишь убить искусство задаваемыми ему рамками. Настоящее искусство, настоящая его причастность к религии состоит в том, удастся ли художнику, как на гравюре из Фламариона, заглянуть за завесу физических небес.

В том или ином виде христианские подвижники и великие ученые прошлого всегда высказывали мысль, условно говоря, о двух информационных источниках знаний о нашем мире – физическом и духовном. В европейской науке Нового времени утвер-

дилась даже концепции двух Книг – Книги природы и книги Откровения, то есть мира физического и духовного, каковые Книги являются моделью взаимоотношений науки и богословия и не противоречат друг другу, поскольку принадлежат одному Автору. *«Ибо невидимое Его, – говорит апостол Павел, – вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы»* (Рим. 1:20). Святитель Григорий Палама в «Беседах» (XIV в.) пишет о том же, что наш физический мир является как бы *«зеркалом того, что находится сверх мира, дабы чрез духовное созерцание сего [физического] мира, как бы по некоей чудесной лестнице, нам востечь к оному высшему миру»*. Исаак Ньютон также считал, что через исследование Книги Природы человек может глубже понять Творца и его замысел – при этом постижение Бога только через одно Писание считал *«уделом простецов»*, по сути, утверждая единственную возможность, условно говоря, объемного миропознания. Иммануил Кант видел единство физического и Божьего, когда говорил в «Критике практического разума» (1788), что *«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»*.

Вспомним драму праведного Иова, изложенную, возможно, в самой ранней книге библейского канона. В те времена еще не существовало ни священства, ни законов, ни, собственно, самого Писания. Что делает Бог, дабы пресечь крайнюю степень отчаянья Иова? Он является Иову лично (*«Господь отвечал Иову из бури»* (Иов, 38:1)) и, в отсутствие Писания,

предъявляет ему само Творение, физический мир во всем его совершенстве и красоте. При этом слова о мироздании, представляемом Богом Иову, непередаваемо поэтичны, но часть их звучит как едва ли не прямой призыв к научному изучению. *«Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны?» «По какому пути разливается свет и разносится восточный ветер по земле?»* (Иов, 38:15, 24). Это не говоря уже о том, что в Книге Иова содержится ряд знаний, о которых люди того времени просто не могли иметь понятия.

Между тем сегодня мы способны не только изучать физический мир, но и обладаем текстом Писания. Материалистический научный подход отвергает Библию по определению, однако Френсис Бэкон в работе «О достоинстве и приумножении науки (1623 г.)» говорит как бы о принципе именно объемного миропознания: *«Чтобы мы не впали в заблуждение, Он дал нам две Книги: Книгу Писания, в которой раскрывается воля Божия, а затем – Книгу Природы, раскрывающую нам Его могущество»*. И продолжает важнейшим уточнением: *«Из этих двух Книг вторая является как бы ключом к первой»*.

Это очень сильное утверждение.

Ранние христиане считали, что ткань мироздания представляет собой текст Бога, *«цельнотканый хитон Логоса»* (Максим Исповедник). Если мир воспринимать как осмысленный текст, то его изучение будет мало отличаться от изучения текста как такового. Собственно, ученые в этом смысле и изучают **синтаксис мира** – выявляют отдельные его элементы и отношения между ними – так же, как лю-

бой из нас, читая книжный текст, автоматически выделяет в каждом предложении части речи, их отношения и логические акценты. При этом ученые выводят правила (законы), по которым построен изучаемый условный текст Книги Природы, но для них закрыта **семантика** (смысл) этого текста (о чем эта Книга?), равно как и содержащееся в ней послание Автора Книги к читателю (**прагматика текста**). Это положение ученого мы сравнили выше с участником праздничной репетиции на стадионе, когда каждый сектор трибуны может видеть фрагменты создаваемой ими картинки, но для того, чтобы увидеть картину целиком, участник репетиции должен выйти за пределы трибуны – ого, оказывается, это олимпийский Мишка машет лапой и по его щеке катится прощальная слеза.

Однако, каждому христианину, знакомому с другой Книгой, Писанием, этот цельный взгляд со стороны на «трибуну» мироздания уже дан в виде Откровения. И если правы были великие христиане и христианские ученые (в частности, Френсис Бэкон), то дальнейшее изучение физического мира без соотнесения его с изложенным в Писании Замыслом Божиим – окажется делом невозможным хотя бы **по отсутствию понимания семантики текста Природы**, и все время будет двигаться не в ту сторону и заходить в новые тупики. Недавним примером может служить крах старого «научного факта», открытого в рамках эволюционной парадигмы, что так называемая некодирующая часть нашего генома содержит эволюционный мусор, накопившийся в процессе эволюции. В итоге оказалось, что у этой «некодирующей части» есть свои собственные

функции, а мусор – не в геноме, а в головах сторонников *естественных эволюционных процессов*.

Если этот мир создан разумно, то **меняется вся картина его познания** – нужно исходить именно из разумного замысла и следовать за мыслью Творца. Изучать мир одной наукой недостаточно и невозможно. Нужно изучать и смысл, и нравственные императивы, что были вложены в творение при его создании. Никакое сегодняшнее знание не абсолютно. Представления оплоской Земле оказались частным случаем Земли шарообразной. Механика Ньютона оказалась частью релятивистской механики Эйнштейна. Так и теория эволюции окажется лишь частным случаем Разумного замысла, где все дарвиновские «механизмы» и изменения работали лишь потому, что были вложены в Природу и животных заранее.

Сегодняшнее научное познание – это лишь узкая забетонированная дорожка с забором по обе стороны, посреди огромного цветущего луга или сада. Ученые движутся вперед по своей бетонной дорожке и шипят на тех, кто бродит по благоухающей цветами лужайке или шуршит осенними листьями. Но за пределами того, что доступно науке, существуют целые миры иных знаний из области религии, философии и искусства. Наука не учитывает эту сторону мироздания, и поэтому просто неспособна делать полноценные выводы из наблюдений и экспериментов даже внутри своего физического мира. Нравственные же законы, данные нам свыше, столь же жестки и неизменны, как математические уравнения. *«Чтобы мы не впали в заблуждение»*, нам дана и Книга о смысле этого мира и послании к нам

ее Автора, без постижения которой невозможно постичь даже мир материальный.

Поэтому мне не с чем поздравить ни сумасшедшего ученого, ни упоритого гуманитария. А особенно мне не с чем поздравить сциентиста-наукопата, примыкающего к якобы «всемогущей» науке и истероидно игнорирующего все прочие ценности человеческой культуры.

Истинное познание – это синтез научного знания, философии, искусства и религиозного Откровения.

* * *

Примечания:

1. С падением СССР и формальной отмены запретов на религиозные убеждения, в новой России, как считается, возродилась Русская православная церковь и религиозность населения, но вместе с тем набрало высочайшие обороты и атеистическое движение. Разумеется, в параллель с атеистами продолжали существовать и всевозможные фашисты-родноверы-сатанисты, но в своем противостоянии Церкви в ряды атеистов массово вливались и бывшие советские работники просвещения (лекторы и «религиоведы» вроде Дулумана), и те, кто прежде атеистом не был, но не принял «реабилитацию» Церкви при Ельцине, и советские ученые, «брошенные» новой властью, и пр. Академик Гинзбург и позже мог говорить открыто так, как никто не решился бы сейчас: *«Эти, мягко говоря, сволочи церковные хотят заманить души наших детей...»* (Из интервью акаде-

мика Гинзбурга газете «Вести образования» (№ 3(75) от 1–15 февраля 2007 г.). Соответственно, начало 2000-х было высшей точкой накала в сетевых дискуссиях между атеистами-эволюционистами и апологетами христианства, включая креационистов и сторонников Разумного замысла. Самым ходовым у атеистов тогда были прогнозы о возвращении костров инквизиции и о «попах, рвущихся в школы» с учебником «Основы православия».

2. Если речь идет о ненаблюдаемых явлениях, научный метод ни при каких условиях не может придать «научному факту» значение истинного, а информация о происхождении (вселенной, планеты, человека) не имеет и никогда не будет иметь практического значения. То есть «научный факт» в данном случае всегда есть реконструкция – условность, консенсусно принятая. Если в нынешней научной картине мира существует парадигма естественного происхождения, то два факта – череп австралопитека и череп эректуса ученые склеят в «научный факт» происхождения человека от обезьяны. Здесь – никаких экспериментов и проверок – с существующей парадигмой ученым просто больше некуда деваться. «Факт» в онтологическом смысле недостоверный, но как бы верный (потому что обязательный) в рамках принятой схемы.

Роман Таран говорит, что точно так же внутри религиозного сообщества можно было бы ввести понятие «теологического факта», например, факт бытия Бога – по аналогии с научным это такой же «теологический факт», поскольку он бесспорен для всех верующих, основан на духовном независимом

опыте многих поколений и признан богословами и философами.

3. Сергей Худиев: *«Но если моё поведение полностью определяется поведением материи в моём мозгу, а это поведение – неизменными законами природы, то как бы я мог хотя бы обратить внимание на их (материалистов, – примеч. А.М.) доводы? Ведь для этого я должен был бы совершить акт свободной воли, а если материализм верен, у меня просто нет свободной воли. Коротко говоря, чтобы я мог принять материализм, он должен быть ложен. Это мировоззрение, которое люди опровергают самим фактом его принятия.*

Более того, материалисты опровергают его самим процессом ведения дискуссии – выдвигая аргументы и предполагая в чём-то убедить других людей, они явно обращаются к ним как к свободным, мыслящим, личностным существам, а не как к природным процессам.

Наивное биологизаторство рассыпается, как карточный домик, и рассеивается, как дым, как только мы пытаемся его проанализировать. Впрочем, то же самое происходит и с материализмом вообще» (С. Худиев, О наивном биологизаторстве. <http://www.benjamin.ru/logos/hudiev/0011.html>

4. Идеальный лидер сциентизма Р. Докинз: *«Можно с абсолютной уверенностью сказать, что если вы встретите кого-то, кто утверждает, что не верит в эволюцию, то этот человек невежда, глупец или безумец (или безнравственный человек, но я бы предпочел не рассматривать это)» (Dawkins R. Ignorance Is No Crime, Free Inquiry 21 (3), Summer*

2001). В демократическом обществе в высказываниях политиков такая сегрегация была бы расценена как «разжигание», однако в среде ученых, даже в демократических странах, нетерпимость к инакомыслию – норма.

5. Так, например, мало кто из посетителей известного форума «Ученые против мифов» понимал, что имеет дело не с научным мероприятием, а с коммерческим проектом по продаже жаждущим науки зрителям иллюзии этой самой научности. Братья-фокусники Соколовы делали грубый укол именно в эту точку самолюбия сциентистов – билеты на «научное шоу» были и без того недешевы, но вдобавок по явно завышенной цене можно было купить элитные места «джедаев науки», где любой идиот ощущал себя более причастным к науке, чем остальные посетители в зале, именуемые просто «друзья науки». Тем более, избранных потом вели под руки фотографироваться с «учеными» и кормили обедом.

6. На некоторые высказывания сциентистов, приведенные в этой статье, я не даю ссылки, поскольку они могут быть не дословными, а являются компиляцией сказанного их авторами, однако абсолютно точно передают смысл авторских высказываний, отражают их позицию и высказывались неоднократно – достаточно посмотреть пару соответствующих видеороликов или просто быть знакомых с их взглядами.

7. По версии Academic Influence Крейг занимает тринадцатое место среди самых влиятельных философов в мире за последние три десятилетия. (https://en.wikipedia.org/wiki/William_Lane_Craig).

8. Есть масса тончайших по своей ювелирности древних изделий из обсидиана, карнелиана и горного хрусталя, которые не могли быть изготовлены путем оббивки, как то утверждают конференсье Соколов и К°. Кроме того, существует каменный (хлоритовый) браслет из Денисовой пещеры возрастом 30 тыс. лет, при изготовлении которого «официальной наукой» признано «скоростное станковое сверление», со всеми соответствующими трасологическими исследованиями и научными публикациями (Деревянко А П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры. Археология, этнография и антропология Евразии. № 2, 2008, С. 13–25).

9. Например, правилами голосования за кандидатов премии «ВРАЛ» запрещена «агитация» за кандидатов-антигероев под угрозой снятия такового кандидата, при этом организаторы просят свой электорат написать на отдельной открытой странице, за кого они проголосовали!

Кстати, уже во время написания этой статьи организаторами премии «ВРАЛ» было объявлено об отмене ее присуждения в 2022 году и приостановке на год, что, скорее всего, означает ее конец. К этому привели не только правовые претензии, о которых я говорил в работе «Кости в рукаве шулера» (Положение о премии нарушало существующие в РФ правовые нормы), но и, по словам Соколова, раскол, произошедший в рядах сторонников «Антропогенеза». «Что и требовалось доказать», – как сказал учитель геометрии, застав свою жену с трудовиком.

10. В Положении о премии «Почетный академик

«ВРАЛ» в списке задач значится: **«формирование негативной репутации ключевых фигур российской лженауки и псевдонауки, знакомство широкой публики с их «достижениями», создание своего рода «Чёрного списка» (страна должна знать своих героев)»** (http://www.goldentime.ru/im_partyflood/vral.pdf).

11. Речь идет даже не о злонамеренных сокрытиях, а об обычном выборочном подходе, когда противоречие просто не афишируется. Например, существование древних стоянок в Южной Азии и Африке не стыкуется с извержением вулкана Тоба, якобы приведшем к планетарной катастрофе и «бутылочному горлышку» в популяции сапиенсов. Другой пример – в свое время еще Мэри Лики зафиксировала наличие фигуративного искусства у *Homo erectus* 1,8 млн. лет назад (*Leakey, M.D. Olduvai Gorge. Volume 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge University Press, London, 1971*), однако возникновение искусства привязано к гораздо более поздним находкам. Существуют также признаки использования у *Homo erectus* религиозных ритуалов на стоянке Бильцингслебен – впрочем, перечислять все не имеет смысла, «тысячи их». Но все эти открытия как бы существуют, а как бы их и нет. Подробнее: http://www.goldentime.ru/hrs_partyflood_5_2.htm

12. Приведу фрагмент таблицы «математического» сравнения нижней челюсти различных таксонов по первым четырем признакам, предоставленной Дробышевским. Остальные данные по вторым и третьим молярам частично отсутствуют для разных таксонов, поэтому ограничимся теми, по которым

есть полная информация.

Что означает математическая точность и доказа-

Таксон (люди выделены полужирным шрифтом)	Высота симфиза нижней челюсти	Толщина симфиза нижней челюсти	Высота тела у 1-го моляра M_1	Толщина тела у 1-го моляра M_1
<i>Au. sediba</i>	32	18	30	18
<i>Homo naledi</i>	33	18	26	16
<i>H. habilis</i> , min/max	29,0/36,0	16,8/24,5	29,0/34,0	17,0/21,0
<i>H. rudolfensis</i>	37	24	36	22
<i>Homo erectus</i> , min/max	28,8/49,0	12,7/25,5	24,6/41,0	14,9/23,0
<i>Au. afarensis</i>	39	20	34	20
<i>Au. africanus</i>	37	21	32	21
<i>Homo</i> среднего плейстоцена	34	17	31	19
<i>Homo sapiens</i>	34	14	28	13

тельность Дробышевского? Мы видим, что по указанным признакам (впрочем, как и по другим краниальным и посткраниальным) самым вариабельным является человек *Homo erectus*, что связано с его широким распространением по миру и проживанием в самых разнообразных экологических средах – например, сам по себе череп эректуса был массивнее сапиентного, но условия островной изоляции приводили к миниатюризации тела *Homo erectus* в целом. Аналогичная вариабельность обезьяны хабилис, незаконно именуемой *Homo*, обусловлена лишь тем, что этот таксон искусственно создавался как переходный и до сей поры представляет собой свалку костного материала от разных таксонов, куда входят и человеческие кости. Юмор «математической точ-

ности» Дробышевского в том, что близкие числовые значения признаков не просто не позволяют отличить один таксон от другого, а даже людей от ископаемых обезьян – и это касается не только представленного фрагмента таблицы, но и картины в целом. Тем не менее, Дробышевский, кивая на «математику», задорно претя с обезьяньим рылом в калашный ряд, а полуграмотные балбесы-сциентисты ему аплодируют. Сама наука доказала!

Список используемой литературы

Ансерме Э. Беседы о музыке. М-Л., 1961. с.22.

Ванслов В.В. Проблема прекрасного. М., 1957. Стр. 211 и 215.

Вахштайн В. Популяризация науки: от просвещения к мракобесию. Лекция на Слете просветителей в 2017 г. Ссылка на видео: <https://youtu.be/8hMmPZT7Rws>

Гельфанд М. Биологические лаборатории в Украине, Михалков и умные еноты. Интервью Илье Варламову 27 июля 2022 г. Ссылка на видео.(00:56:53).

Докинз Р. Бог как иллюзия. Изд. «КоЛибри» («Иностранка»), 2008.

Дробышевский С.В. Эволюция красоты. Лекция в центра «Архэ» в Санкт-Петербурге. Ссылка на видео: <https://www.youtube.com/watch?v=oJyJ-eNuYLQ&t=6199s>

Дробышевский С.В. Эволюция креационизма. Лекция на форуме «Ученые против мифов-10». Ссылка на видео: <https://www.youtube.com/watch?v=upCnOrw-bms>

Еськов К.Ю. История Земли и жизни на ней.

Учебное пособие для старших классов. М., Мирс-МАИК-Наука, 2000.

Кураев А. Бог Изумляющий. Журнал «Фома», № 1, 2005.

Кутырев В.А. «Время Mortido». – СПб.: Алетейя, 2012.

Лакатос И. Методология исследовательских программ, М., АСТ, «Ермак», 2003 г., с. 190.

Лихачёв Д.С. Литература-реальность-литература. М., АСТ, 2017. Стр. 189–190.

Лунный А.Н. Соображения после просмотра видеозаписи семинара на тему доклада протоиерея А. Салтыкова «Вера и наука в работах К. Буфеева. Крайности фундаментализма» 23 декабря 2020 г. Сетевая публикация: <http://shestodnev.ru/download/reviews/2.pdf>

Марков А.В. Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерий до человека. Расширенная версия доклада на IV Международной конференции «Биология: от молекулы до биосферы» (15.12.2009).

Ногалес К. Научное мышление: значение, особенности и методы. Ссылка: <https://4brain.ru/blog/научное%20мышление/>

Панов Е.Н. Есть ли альтруизм у бактерий? Этология и зоопсихология 2/2010. Ссылка: http://www.goldentime.ru/im_am/panov_bact.pdf

Панов Е.Н. О книге А.В. Маркова «Эволюция человека». Этология и зоопсихология 1/2012. Ссылка: http://www.goldentime.ru/im_am/panov_review.pdf

Рос А.А. В начале. Изд. «Источник жизни», 2002.

Россиянов К.О. Опасные связи: И. И. Иванов и опыты скрещивания человека с человекообразными обезьянами. Вопросы истории естествознания и тех-

ники. 2006. № 1. С. 3–51.

Сапрыкин Ю. Выступление на радиостанции «Эхо Москвы» 30.10.2017 в программе «Особое мнение». Сохраненная ссылка: <https://web.archive.org/web/20220302212624/https://echo.msk.ru/programs/personalno/2081658-echo/>

Соколов А. Невозможные саркофаги Серапеума: о чем молчат альтернативные историки? Видео проекта «Антропогенез.ру»: <https://www.youtube.com/watch?v=Sn5SBOR8nqQ>

Соколов А. Стрим, посвященный ходу эксперимента «Диоритовая ваза по древним технологиям», а также древнеегипетским вазам. Прямой эфир состоялся 1 мая 2021 г. Клип: https://www.youtube.com/clip/UgkxmFyCIN2ac4nW8MUPKbU1rHx5J_qsd87X

Таран Р.А. Три [мировоззренческие] парадигмы. Сетевая публикация: <http://xn--i1abedsedbf3gbd.xn--p1ai/book/tri-mirovozzrencheskih-paradigmy>

Таран Р.А. Эволюция – не «факт». Сетевая публикация: <http://скрытыйсмысл.рф/book/evolyuciya-ne-fakt>

Таран Р.А. Эволюция – не эволюция. Сетевая публикация: <http://скрытыйсмысл.рф/book/evolyuciya-ne-evolyuciya>

Турчин А.В. Структура глобальной катастрофы. Риски вымирания человечества в XXI веке. М., 2008.

Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1998.

Фромм Э., Судзуки Д., Мартино Р. Лекции о дзен-буддизме // Дзен-буддизм и психоанализ / Ред. О. Ю. Бойцова. – М.: Весь Мир, 1997.

Хокинг, Стивен. Краткая история времени: От

Большого Взрыва до черных дыр [пер. с англ. Н. Смородиной]: Амфора; Санкт Петербург; 2015.

Чехов А. П. Письмо Суворину А. С., 3 ноября 1888 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983. Т. 3. Письма, Октябрь 1888 – декабрь 1889. – М.: Наука, 1976: 53–56.

Чейтин Грегори. Пределы доказуемости. «В мире науки» №6, 2006.

Шадов А. «Многие люди...» Запись в VK 18.01.2022.

Шнирельман В.А. В суждениях Александра Маркова содержится расизм? Журнал «Троицкий вариант – Наука» 21.09.2021, № 338, с. 4–5. Сетевая публикация: <http://trv-science.ru/2021/09/rasizm-li-v-suzhdeniyax-markova/>

Эпштейн М.Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 480 с. (Серия «Humanitas»).

Azema M. and Rivere F. Animation in palaeolithic art: a pre-echo of cinema. *Antiquity*. 86.332 (June 2012): p.316.

Boot N. et al. Creative Cognition and Dopaminergic Modulation of Fronto-striatal Networks: Integrative Review and Research Agenda // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. – 2017. 10.1016/j.neubiorev.2017.04.007.

Conway, John. The Free Will Theorem // *Foundations of Physics: journal*. – 2006. – Vol. 36, no. 10. – P. 1441.

Conway, John H. The strong free will theorem //

Notices of the AMS: journal. – 2009. – Vol. 56, no. 2. – P. 226–232.

Laudan, L. (1983), The Demise of the Demarcation Problem, in Cohen, R.S. & Laudan, L., Physics, Philosophy and Psychoanalysis: Essays in Honor of Adolf Grunbaum, vol. 76, Boston Studies in the Philosophy of Science, Dordrecht: D. Reidel, c. 111–127.

Sun R. C. F., Hui E. K. P. Cognitive competence as a positive youth development construct: A conceptual review //The Scientific World Journal. – 2012. – T. 2012. 10.1100/2012/210953.

Thaler S. L. Cycles of insanity and creativity within contemplative neural systems //Medical hypotheses. – 2016. – T. 94. – C. 138–147. 10.1016/j.mehy.2016.07.010

Thaxton C.B., Bradley W.L. and Olsen R.L. The Mystery of Life's Origin: Reassessing Current Theories (Dallas: Lewis and Stanley, 1992).

* * *